

Призрачный двойник

Автор:

[Джонатан Страуд](#)

Призрачный двойник

Джонатан Страуд

Агентство «Локвуд и компания» #3

Меня зовут Люси Карлайл и я работаю в агентстве «Локвуд и компания». Нас всего трое: я, Энтони (он же Локвуд) и Джордж. Мы занимаемся тем, что ловим призраков и спасаем от них Лондон. Вообще-то, это только звучит просто, на самом деле все гораздо сложнее. Существует великое множество призраков и их разновидностей, и большинство из них смертельно опасны, и даже наше супероружие: рапиры, железные цепи и банки с греческим огнем – не всегда эффективно. Впрочем, в нашем агентстве трусов нет. В Челси случилось небывалое нашествие призраков. Чтобы справиться с ним правительство собрало огромную команду агентов, но ситуация стала лишь хуже. Разумеется, мы не могли остаться в стороне и присоединились к расследованию. С подобным наша команда еще никогда не сталкивалась! Гигантский кластер сверхъестественных явлений, избавиться от которого можно только разгадав хитроумную загадку и объединившись с конкурентами. А я как назло совершила непростительную ошибку, которая едва не стоила мне жизни. Короче говоря, новое дело настолько опасно, что неизвестно, не станет ли оно для нас последним...

Джонатан Страуд

Призрачный двойник

Lockwood & CO.: The Hollow Boy: Book 3

Text copyright

© Jonathan Stroud, 2014 Jacket illustration

© 2014 by Michael Heath. This edition is published by arrangement with Laura Cecil and The Van Lear Agency LLC

© Мольков К.И., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Часть 1

«Лавандовый домик»

1

Я думаю, что только в самом конце расследования, которое мы проводили в «Лавандовом домике», борясь за свои жизни в этом проклятом семейном пансионе, наша команда – «Локвуд и компания» – впервые за все время показала безупречную слаженность в работе. И пусть эта вспышка была недолгой, у меня в памяти во всех деталях отпечаталось каждое драгоценное мгновение, когда мы действовали как единое целое.

Да, каждая деталь. Энтони Локвуд в дымящемся пальто, бешено размахивающий руками, пытаюсь влезть назад на чердак сквозь открытое окно. Джордж Каббинс, одной рукой вцепившийся в перекосившуюся лестницу, свисающий с нее словно огромная раскачивающаяся на ветру груша. И я, Люси Карлайл – вся

в кровоточащих царапинах, облепленная паутиной, прыгающая, скачущая, отчаянно пытающаяся увернуться от смертоносных призрачных щупальцев...

Ну, конечно, я понимаю, что все это звучит не слишком впечатляюще. И если честно, мы вполне могли бы обойтись без поскуливаний Джорджа. Но поверьте, команда агентства «Локвуд и компания» совершила в тот момент нечто удивительное: мы справились с совершенно безнадежной ситуацией и, более того, обернули ее на пользу себе.

Хотите знать, как это нам удалось? Сейчас расскажу.

Вернемся на шесть часов назад. В это время мы стояли на ступенях крыльца и звонили в дверь. Был омерзительный, ветреный и дождливый ноябрьский ранний вечер, на крышах старых домов в бедном лондонском районе Уайтчепел начинали сгущаться тени, четко вырисовывались на фоне серых облаков черные силуэты голых деревьев. Капли дождя падали на наши пальто и куртки, блестели на рукоятках наших рапир. Где-то неподалеку часы пробили четыре раза.

– Все готовы? – спросил Локвуд. – Помните: мы задаем им несколько вопросов, а сами тем временем внимательно слушаем и наблюдаем за тем, что происходит на парапсихологическом уровне. Если нащупаем следы убийства или местонахождение мертвых тел, не подаем виду. Просто вежливо прощаемся и идем в полицию.

– Все ясно, – сказала я. Джордж молча кивнул, деловито поправляя свой рабочий пояс.

– Идиотский план! – раздался за моим ухом хриплый шепот. – На вашем месте я для начала прирезал бы этих субчиков, а уж потом стал разбираться со всем остальным. По-моему, это единственно разумное решение.

Я толкнула локтем свой рюкзак и коротко бросила:

– Заткнись.

– Я думал, ты хочешь получить от меня ценный совет.

– Твое дело наблюдать по сторонам, а не лезть к нам со своими глупостями. Все, замолчал.

Мы стояли на крыльце и ждали. Семейный пансион «Лавандовый домик» был узким трехэтажным строением, унылым и ветхим на вид, как и большинство жилых домов в этой части лондонского Ист-Энда. В неопрятные, давно не штукатуренные стены глубоко въелась сажа, за стеклами виднелись жалкие, скрученные тонкие занавески. Все окна на двух верхних этажах оставались темными, но в холле первого этажа свет горел. Посередине двери, за треснувшим стеклом торчала пожелтевшая от времени табличка с надписью «Есть свободные места».

Локвуд приложил свою обтянутую перчаткой ладонь козырьком ко лбу и прижался к стеклу, пытаясь заглянуть внутрь.

– Так, в доме кто-то есть, – сказал он. – Вижу двоих. Они стоят у дальней стены холла.

Он вновь нажал кнопку звонка. Раздался резкий, неприятный звук, похожий на визг электрической пилы. Локвуд отпустил кнопку звонка, побарабанил по двери привешенным к ней деревянным молоточком. Никто не шел.

– Интересно, проснутся они сегодня или нет? – сказал Джордж. – Не хочу никого тревожить и все такое прочее, однако через дорогу в нашу сторону ползет что-то белое.

Джордж оказался прав. В сумерках показалась какая-то белесая масса. Она была еще довольно далеко, но совершенно очевидно двигалась в нашу сторону, медленно плывя над мостовой, держась в тени стоящих вдоль улицы домов.

Локвуд повел плечами, даже не удосужившись обернуться и взглянуть.

– Наверное, просто кто-то забыл снять с веревки выстиранную рубашку, – сказал он. – Рано еще, чтобы всякая мерзость начала вылезать наружу.

Мы с Джорджем переглянулись. В это время года, поздней осенью, день и ночь так мало отличаются друг от друга, что вернувшиеся в наш мир мертвецы начинают расхаживать по улицам едва ли не сразу после обеда. Да мы сами, если на то пошло, видели на Уайтчепел Хай Роуд, пока шли сюда от метро, Тень – не приметное темное облачко. Призрак одиноко болтался у обочины, крутясь в потоках ветра от пролетающих мимо машин, в которых спешили по домам запаздывающие горожане. Так что мерзость давно уже полезла из своих нор, и Локвуду, кстати, это было хорошо известно.

– С каких это пор у выстиранных рубашек стали отрастать головы и ножки, пускай даже хилые? – спросил Джордж. Он снял очки, насухо протер их и снова надел. – Люси, хоть ты, что ли, скажи ему. Меня он никогда не слушает.

– В самом деле, Локвуд, пойдем, – сказала я. – Не можем же мы стоять здесь всю ночь. Если не побережемся, нас может зацепить вон тот призрак.

– Не зацепит, – усмехнулся Локвуд. – Наши приятели в холле должны откликнуться. В противном случае можно будет считать, что тем самым они признают свою вину. Нет, я думаю, они вот-вот подойдут к двери и пригласят нас зайти внутрь. Можешь мне поверить, беспокоиться нам не о чем.

Странная вещь: Локвуду веришь даже тогда, когда он несет такую вот притянутую за уши чушь. Для этого достаточно на него посмотреть. В тот момент он стоял на ступеньке крыльца в своем длинном черном пальто и облегающем его стройную фигуру костюме, небрежно положив одну руку на эфес рапиры. На бровь ему картинно свесилась непокорная прядь, падающий из холла свет матово блестел на его худом, бледном лице, искрился в бездонных темных глазах, на губах нашего лидера играла улыбка, перед которой невозможно устоять. Одним словом, Локвуд был олицетворением спокойствия, уверенности в себе и беззаботности. Именно таким, как в ту ночь, мне и хотелось запомнить его: опасности позади, ужасы впереди, а между ними стоит Локвуд, спокойный и бесстрашный.

Мы с Джорджем выглядели, конечно, далеко не так классно, как наш шеф, но тоже неплохо, хотя одеты были по-рабочему – темные куртки и брюки, тяжелые рабочие башмаки. Джордж сегодня даже рубашку в штаны заправил, что с ним не так часто случается. У нас, у всех троих, с собой были рюкзаки и тяжелые кожаные сумки – старые, потертые, покрытые пятнами от ожогов эктоплазмы.

Сторонний наблюдатель, узнав в нас агентов-парапсихологов, непременно решил бы, что наши рюкзаки и сумки наполнены необходимыми для нашей работы вещами – соляными бомбами, лавандой, железными опилками, серебряными печатями и цепями. И был бы абсолютно прав – за исключением одной детали, совершенно неожиданной и непредсказуемой. Дело в том, что я в своем рюкзаке помимо всего прочего несла еще стеклянную банку с говорящим черепом внутри.

Мы ждали. Монотонно и мрачно завывал между домами ветер. Над нашими головами крутились, перезванивались, щелкали, словно ведьмины зубы, подвешенные на веревочках железные амулеты-обереги. Белесая мерзость продолжала медленно плыть над улицей, степенно приближаясь к нам. Я повыше подтянула молнию на своей парке и прижалась к стене дома.

– Ага, это Фантазм приближается, – сообщил голос из моего рюкзака. Из нас троих слышать шепот черепа могла только я. – Он вас засек, и он очень голодный. Если не ошибаюсь, этот Фантазм положил глаз на вашего Джорджа.

– Локвуд, – начала я, – послушай, нам в самом деле нужно двигать отсюда.

Но Локвуд уже отступил назад от двери.

– Нет необходимости, – сказал он. – Ну, что я вам говорил? Они уже идут.

За стеклом мелькнули тени, зазвенели цепочки, и дверь широко раскрылась.

На пороге стояли мужчина и женщина.

Возможно, они были убийцами, но мы не хотели спугнуть их. Мы изобразили на наших лицах самые широкие улыбки, какие только смогли.

Семейный пансион «Лавандовый домик» обратил на себя наше внимание недели две назад. Местная полиция в Уайтчепеле расследовала случаи загадочного исчезновения людей в этом районе. Если не считать нескольких коммивояжеров, это были в основном рабочие с расположенных неподалеку лондонских доков. Выяснилось, что некоторые из пропавших людей незадолго до своего

исчезновения останавливались в скромном и неприметном семейном пансионе «Лавандовый домик» на Кэннон-лейн. Полицейские приходили в пансион, беседовали с его владельцами – мистером и миссис Эванс, даже проводили осмотр дома. И ничего не обнаружили, ровным счетом ничего.

Но полицейские, само собой, были взрослыми, а взрослые не умеют заглядывать в прошлое. Не могут обнаруживать парапсихологические следы, оставшиеся от совершенных когда-то на этом месте преступлений. Для этого им необходима помощь подростков из парапсихологического агентства. И так получилось, что наше агентство «Локвуд и компания» именно в то время много работало в Ист-Энде и особенную популярность нам принес успех в так называемом «деле о Кричащем призраке из Спайтелфилдз». Короче говоря, полиция попросила нас навестить мистера и миссис Эванс, и мы согласились.

И вот мы на месте.

Я заранее относилась к владельцам пансиона с предубеждением и, честно говоря, ожидала, что они будут выглядеть киношными злодеями, но здесь явно был не тот случай. Если владельцы «Лавандового домика» и напоминали кого-то, так это, пожалуй, пару пожилых сидящих на ветке сов. Низенькие, кругленькие, седоволосые, с оплывшими пустыми лицами, с сонно моргающими глазами за стеклами больших круглых очков. Одежда на Эвансах была тяжелой и старомодной. Они стояли, тесно прижавшись друг к другу, и загораживали собой весь проход. За ними я смогла рассмотреть лишь подвешенный к потолку светильник с кисточками и кусок выцветших обоев. Остальное скрывали за собой совы.

– Мистер и миссис Эванс? – коротко поклонился им Локвуд. – Здравствуйте. Меня зовут Энтони Локвуд, я из агентства «Локвуд и компания». Я вам звонил. А это мои помощники, Люси Карлайл и Джордж Каббинс.

Эвансы продолжали пялиться на нас. Какое-то время все молчали, словно осознавая, что наступил переломный момент в судьбе пяти человек, стоящих сейчас в этом дверном проеме.

– Что вам угодно? – спросил мистер Эванс. Честно говоря, затрудняюсь сказать, сколько ему примерно было лет. Для меня любой человек, которому перевалило за тридцать, одной ногой уже стоит в могиле. Скажу лишь, что у мистера Эванса

был лысый череп с парой прилизанных к нему жидких прядок и густая сеть морщинок в уголках глаз. Он продолжал бездумно моргать, глядя на нас.

– Как я уже сказал по телефону, мы хотим поговорить с вами об одном из ваших бывших постояльцев, мистере Бентоне, – ответил Локвуд. – По официальному запросу относительно пропавших личностей. Можем мы войти?

– Скоро стемнеет, – сказала женщина.

– Ничего, мы не собираемся задерживаться у вас надолго, – лучезарно улыбнулся Локвуд. Я тоже изобразила на своем лице обнадеживающую ухмылку. Джордж не сделал даже этого, он был слишком занят тем, что наблюдал за ползущей по улице белесой мерзостью, и начинал заметно нервничать.

Мистер Эванс кивнул, медленно отступил назад и в сторону.

– Да, конечно, но лучше закончить со всем этим как можно быстрее, – сказал он. – Поздно уже. Вскоре и они наружу вылезут, ждать осталось недолго.

Мистер Эванс был слишком стар, чтобы суметь увидеть Фантазм, пересекающий в этот момент улицу и направляющийся напрямик к нам. Впрочем, говорить мистери Эвансу, что кое-кто уже вылез наружу, мы не стали. Мы просто улыбнулись, кивнули и быстро, насколько можно это сделать не толкаясь, прошли в дом следом за миссис Эванс. Мистер Эванс вошел последним и тщательно запер за собой входную дверь, отрезав от нас ночь, дождь и призрачного Гостя.

Хозяйка провела нас через длинный вестибюль в общую гостиную, где в облицованном керамическими плитками камине мерцал огонь. Убранство было обычным для такого сорта гостиных: кремовые обои «под шпон», потертый коричневый ковер, ряды декоративных тарелочек и репродукции в уродливых позолоченных рамках. Несколько в беспорядке расставленных кресел (уродливых и неудобных даже на глаз), радиоприемник, стеклянная горка с напитками и маленький телевизор. У дальней стены гостиной стоял большой деревянный кухонный буфет с чашками, стаканами, бутылочками соусов и другими принадлежностями для завтрака. Рядом с буфетом – несколько складных стульев и пара пластиковых складных столиков. Похоже, в этой

гостиной постояльцы и общались, и отдыхали, и ели.

Но сейчас здесь не было никого, кроме нас и хозяев.

Мы положили свои сумки на пол. Джордж еще раз протер от дождевых капель свои очки. Локвуд пригладил ладонью влажные волосы. Мистер и миссис Эванс стояли в центре комнаты и по-прежнему смотрели на нас. Вблизи их сходство с парой старых сов еще больше усилилось. У обоих Эвансов была слишком короткая толстая шея и округлые, словно оплывшие, плечи. Хозяин был в обвислом кардигане, его жена – в темном шерстяном платье. Они продолжали жаться друг к другу. Я вдруг подумала, что, хотя Эвансы и кажутся мне довольно старыми, их тела под тяжелыми бесформенными одеждами могут оказаться еще очень даже сильными.

Присесть они нам не предложили – очевидно, в самом деле рассчитывали довольно скоро от нас избавиться.

– Вы сказали, его зовут Бенсон? – спросил мистер Эванс.

– Бентон.

– Он недавно останавливался у вас, – добавила я. – Три недели назад. И вы это подтвердили по телефону. Это один из нескольких пропавших людей, которых...

– Да-да, мы говорили о нем с полицейскими. Если хотите, могу и вам показать гостевую книгу, – негромко гудя себе под нос, мистер Эванс направился к буфету. Его жена осталась стоять неподвижно, продолжая смотреть на нас своими совиными глазами. Хозяин возвратился с книгой, раскрыл ее и передал Локвуду: – Вот здесь вы найдете его имя.

– Благодарю вас.

Пока Локвуд изображал, что внимательно изучает страницы гостевой книги, я занималась настоящим делом: слушала дом. В нем было тихо – в парапсихологическом смысле, я имею в виду. Проще говоря, я ничего не обнаружила. Ну, если, конечно, не считать приглушенного бормотания из моего стоящего на полу рюкзака, но это не в счет.

– Смотри, какой удобный случай! – шептал череп. – Убейте их обоих, и дело с концом!

Я чувствительно пнула рюкзак своим тяжелым каблуком, и голос затих.

– Что вы можете вспомнить о мистере Бентоне? – спросил Джордж. Его рыхлое лицо и песочного цвета волосы бледно отсвечивали в отблесках каминного огня. Толстенький животик Джорджа был туго стянут рабочим поясом и почти не выпирал из-под свитера. Джордж сделал вид, будто поправляет этот самый пояс, чтобы украдкой взглянуть на прицепленный к нему термометр. – Или о других ваших бывших постояльцах, которые потом пропали? Вы вообще-то много с ними разговаривали?

– По правде сказать, нет, – ответил хозяин. – А ты, Нора?

Волосы у миссис Эванс были ядовито-желтые, как усы у заядлого курильщика, и зачесаны наверх наподобие шлема. Лицо – морщинистое, как и у ее мужа, правда, самые глубокие морщинки собрались не в уголках глаз, а разбегались от уголков рта. Казалось, потяни за них – и сможешь туго-туго, как горловину вещмешка, стянуть ей губы.

– Нет, – сказала миссис Эванс. – Да и что в этом удивительного? Мало кто из наших постояльцев задерживается у нас надолго.

– В основном мы обслуживаем коммивояжеров. Торговцев, проще говоря, – пояснил мистер Эванс. – А они, сами знаете, всегда спешат: сегодня здесь – завтра там.

После этого в гостиной наступило молчание. В воздухе висел густой, тяжелый запах лаванды, который должен был отгонять незваных Гостей. Букетики свежей лаванды стояли в серебряных кружках на каминной полке и подоконниках. Были в доме и другие обереги, например, сделанные из гнutoго железа фигурки животных и птиц.

Это была очень хорошо защищенная от призраков комната. Я бы даже сказала, защищенная с запасом, с перебором.

– Сейчас у вас есть постояльцы? – спросила я.

– В настоящий момент нет.

– Сколько у вас в доме спален?

– Шесть. Четыре на втором этаже, две на верхнем.

– В какой из них спите вы сами?

– Боже, сколько нескромных вопросов, – вздохнул мистер Эванс. – Да еще от такой юной леди. Лично я принадлежу к поколению, которое еще помнит то время, когда дети были просто детьми. Детьми, а не бесцеремонными агентами-парапсихологами с рапирами. Ну хорошо, мы спим здесь, на первом этаже, в комнате за кухней. И между прочим, обо всем этом мы уже говорили полицейским. Совершенно не понимаю, зачем вы здесь и что вам нужно.

– Не волнуйтесь, мы скоро уйдем, – сказал Локвуд. – Если позволите, мы быстренько осмотрим комнату, в которой останавливался мистер Бентон, и тут же оставим вас в покое.

Ох, как сразу напряглись Эвансы! Они замерли в центре гостиной словно два надгробия. Тем временем стоявший возле буфета Джордж провел пальцем по бутылочке с кетчупом. На покрывавшем ее тонком слое пыли нарисовалась дорожка.

– Боюсь, это невозможно, – сказал мистер Эванс. – Та комната уже приготовлена для новых гостей. Мы не хотим нарушать там порядок. Тем более что в комнате давно не осталось и следа от мистера Бентона, как и от других постояльцев. А теперь... Теперь я должен попросить вас удалиться.

Он двинулся по направлению к Локвуду. Несмотря на бархатные домашние тапочки и обвисший на плечах кардиган, мистер Эванс выглядел решительно и, честное слово, вовсе не казался старой развалиной.

У Локвуда на его пальто много карманов. В одних лежит оружие, в других отмычки, еще в одном, как мне известно, хранятся пакетики с чайной заваркой.

И есть на пальто еще один кармашек, из которого Локвуд достал сейчас маленькую пластиковую карточку.

- Это удостоверение, - сказал он, - дает оперативникам агентства «Локвуд и компания», официально привлеченным ДЕПИК к проведению парапсихологических исследований, право осматривать любую частную собственность, если имеются основания подозревать, что в данном месте было совершено серьезное преступление или там возможно присутствие сверхъестественных сил. Если хотите проверить наши полномочия, позвоните в Скотланд-Ярд. Спросите инспектора Монтегю Барнса, он с удовольствием ответит на все ваши вопросы.

- Преступление? - Мистер Эванс сразу как-то усох, попятился назад, прикусил губу и переспросил: - Присутствие? Сверхъестественных?

- Как я уже сказал, мы просто хотим осмотреть помещения наверху, - по-волчьи улыбнулся Локвуд.

- Но там нет ничего сверхъестественного, - недовольно пробурчала миссис Эванс. - Посмотрите вокруг - видите, сколько у нас берегов?

- Все в порядке, Нора, - похлопал ее по руке муж. - Это агенты. Мы обязаны оказывать им содействие. Мистер Бентон, если не ошибаюсь, останавливался во втором номере, это на верхнем этаже. Вон лестница, поднимайтесь. Найдете комнату сами, не перепутаете.

- Благодарю, - сказал Локвуд, поднимая с пола свою сумку.

- Почему бы вам не оставить свои вещи здесь? - спросила миссис Эванс. - Лестница узкая, подниматься будет долго и неудобно.

Мы с Джорджем только взглянули на нее и, ничего не отвечая, закинули за плечи свои рюкзаки.

- Можете не торопиться, - напутствовал нас мистер Эванс.

Света на лестнице не было. Поднимаясь по ступеням вслед за Локвудом и Джорджем, я обернулась и из царившего на лестнице полумрака взглянула сквозь открытую дверь на совиную парочку. Эвансы стояли посреди гостиной, тесно прижавшись друг к другу, освещенные мерцающими кроваво-красными отблесками каминного огня. Они смотрели нам вслед, под одинаковым углом склонив головы набок, стекла их очков превратились в четыре пылающих круга, отражающих пламя.

- Что скажешь? - донесся сверху шепот Джорджа.

Локвуд ответил не сразу. Он остановился, чтобы осмотреть встретившуюся посередине лестничного пролета тяжелую пожарную дверь. Она была распахнута настежь.

- Не знаю, почему именно, но уверен, что рыльце у Эвансов в пушку, - сказал наконец Локвуд. - Просто чувствую, что за ними водятся грехи, и немалые.

- Угу, - кивнул Джордж. - А ты видел ту бутылочку с кетчупом? У них в доме уже давно никто не завтракал.

- Эвансы должны понимать, что для них все кончено, - сказала я, когда мы продолжили подниматься по лестнице. - Если здесь, наверху, с их гостями произошло что-то страшное, мы обнаружим это. Эвансы понимают, какими Дарами мы обладаем. Интересно, что они собираются делать, когда мы все выясним?

Ответить Локвуд не успел, поскольку у нас за спиной послышались осторожные шаги. Оглянувшись, мы увидели мистера Эванса. Бледный, с растрепавшимися жидкими прядками волос и дико вытаращенными глазами, он уже начал закрывать за нами пожарную дверь... «Вот и ответ», как говорил старина Гамлет.

Еще миг - и в руке Локвуда сверкнула рапира, а сам он бросился вниз. Длинные полы его пальто взметнулись черными птицами.

Но пожарная дверь уже с грохотом захлопнулась, отрезав нас от проникавшего снизу света. Рапира Локвуда царапнула по металлу.

Стоя в темноте, мы услышали, как на противоположной стороне двери заворачиваются болты, а затем донесся негромкий смех.

– Мистер Эванс, – сказал Локвуд. – Откройте дверь. Немедленно.

В ответ прозвучал приглушенный, но отчетливо слышимый голос:

– Вы должны были уйти, когда у вас еще была такая возможность! А теперь ищите наверху сколько вам будет угодно. Чувствуйте себя как дома! А в полночь вас самих найдет призрак. Я же приду утром, чтобы прибрать то, что от вас останется.

Затем послышались удаляющиеся шаги – тук-тук-тук – бархатных домашних туфель по деревянным ступенькам.

– Прелестно, – сказал голос из моего рюкзака. – Дали себя одурачить какому-то старому пню на пенсии. Великолепно. Потрясающая команда.

На этот раз я не приказала черепу заткнуться. Как ни крути, он был прав.

2

Теперь стоп. Наверное, прежде чем продолжить рассказ о том, что случилось дальше, мне стоит притормозить и объяснить, кто я, собственно, такая. Меня зовут Люси Карлайл. Я зарабатываю на жизнь тем, что уничтожаю призраки беспокойных, вернувшихся с Другой стороны мертвецов. Я могу кинуть соляную бомбу на пятнадцать метров, причем даже без разбега. Я способна держать оборону сразу против трех Спектров с одной лишь, да и то сломанной, рапирой (что однажды случилось со мной на Беркли Сквер). Я умею ловко обращаться с ломиками-фомками, магниевыми вспышками, цепями и свечами. Могу в одиночку заходить в зараженные призраками помещения. Я могу не только видеть Гостей, но и слышать их голоса. Мой рост слегка не дотягивает до ста шестидесяти пяти сантиметров, волосы цветом напоминают гроб из орехового дерева, а на ногах я ношу непроницаемые для эктоплазмы тяжелые рабочие башмаки тридцать восьмого размера.

Ну вот, можно считать, теперь мы с вами познакомились.

Вернемся в Уайтчепел. Итак, я стояла вместе с Локвудом и Джорджем на лестничной площадке второго этажа семейного пансиона «Лавандовый домик». Почему-то вдруг стало очень холодно. А еще я понемногу начала слышать.

– Не думаю, что каким-то способом можно сломать эту чертову дверь, – сказал Джордж.

– Безнадега... – подтвердил Локвуд тем отстраненным, безразличным тоном, какой появляется у него, когда он начинает смотреть. Зрение, Слух и Осязание – вот три основные разновидности парапсихологического Дара. У Локвуда было самое острое зрение из нас троих. У меня – самый лучший Слух и Осязание. Джордж... Ну, можно сказать, что он универсал. А можно сказать – что он обладает всеми тремя Дарами, только они у него очень средненькие по силе.

Я приложила палец к оказавшемуся рядом со мной выключателю на стене, но щелкнуть им не спешила. Темнота обостряет парапсихологическое восприятие. Страх обостряет его до предела.

Мы слушали. Мы смотрели.

– Пока ничего не вижу, – сказал наконец Локвуд. – А что у тебя, Люси?

– Голоса. Шепчущие голоса.

Они напоминали мне шум толпы – настойчиво наперебой пытались что-то втолковать мне, но я не могла разобрать ни слова, настолько эти голоса были слабыми.

– А что говорит твой приятель в банке?

– Никакой он мне не приятель, – фыркнула я и ткнула кулаком в рюкзак: – Эй, череп! Ты где?

– Здесь призраки, я чувствую их. Много, очень много призраков. Ну теперь-то ты согласна, что нужно было пришить того старикашку, когда была такая возможность? Вот послушалась бы ты меня тогда – не попали бы все вы в эту переделку, правильно?

– Ни в какой мы пока не переделке! – огрызнулась я. – И, между прочим, не можем мы вот так взять и прирезать подозреваемого. Я уже объясняла тебе это, сколько можно? Ведь мы даже не были уверены тогда, внизу, что они виновны!

Локвуд многозначительно прокашлялся. Да, это правда, я иногда забываю о том, что остальные не слышат слова черепа и потому до них доходит только одна – моя – половина разговора.

– Простите, – сказала я. – Просто он достает меня, как всегда. Но утверждает при этом, что здесь полно призраков.

В темноте на долю секунды вспыхнул светящийся дисплей градусника Джорджа.

– Последние данные о температуре, – сказал Джордж. – Она понижается. Упала на пять градусов по сравнению с тем, что было у подножия лестницы.

– Ну да. Эта пожарная дверь служит барьером, – узкий, как карандаш, луч света из фонарика Локвуда стрельнул вниз, лизнул серую рубчатую поверхность двери. – Вон, смотрите, они обшили ее железными полосами. Это позволяет нашей милой парочке чувствовать себя совершенно спокойно на своем первом этаже. Но те, кому не повезло снять у них комнату наверху, становятся жертвой того, кто прячется там в темноте...

Он сделал луч фонарика шире и медленно провел им по всем сторонам вокруг нас. Мы стояли прямо у тесной лестничной площадки, довольно чистой, с дешевыми красными занавесками и старым кремовым ковром. В полумраке тускло светились несколько пронумерованных фанерных дверей. На уродливом столике рядом со следующим лестничным пролетом лежала стопка потрепанных журналов с загнутыми на уголках страницами. От ковра поднимались бледные тонкие завитки зеленоватого тумана, они медленно огибали наши лодыжки. Фонарик замигал – это стремительно разрядилась его батарейка (совершенно свежая!). Так он вскоре и вовсе погаснет. Внутри каждого из нас нарастало напряжение, всех начинал охватывать страх. Мы чувствовали, что приближается нечто ужасное и оно уже совсем близко.

Локвуд подтянул перчатки. Его лицо блестело, глаза ярко светились. Он, как всегда, буквально расцвел с приближением опасности.

– Так, – негромко сказал Локвуд. – Теперь слушайте меня. Сохраняем спокойствие, быстро все здесь осматриваем, потом решаем, как нам лучше взяться за Эванса. Джордж, сооруди здесь железный круг. Люси, узнай, что еще может нам сообщить твой череп. А я тем временем проверю ближнюю к нам комнату.

С этими словами он поднял вверх рапиру, толкнул дверь и исчез внутри комнаты, только мелькнуло его длинное пальто.

Мы принялись за работу. Джордж вытащил свой фонарь, включил на низкую мощность, и в его тусклом свете принялся выкладывать в центре ковра большой круг из железных цепей. Я открыла свой рюкзак и – признаюсь, не без труда, – вытащила из него большую слабо светящуюся стеклянную банку. Горлышко ее закрывала сложная по конструкции пластиковая крышка-печать, а внутри банки в зеленоватой светящейся жидкости плавало ухмыляющееся лицо. Я бы не назвала эту ухмылку забавной, скорее так мог бы ухмыляться сквозь прутья тюремной решетки приговоренный к пожизненному заключению злодей. Лицо принадлежало призраку – то ли Фантазму, то ли Спектру, привязанному к помещенному внутри банки черепу, который служил Источником для этого Гостя. Призрак был существом противным, ехидным, занудным, с сомнительной репутацией, и при этом мы даже не знали его имени.

– Что-нибудь ощущаешь? – спросила я у него.

– Я всегда что-нибудь ощущаю, – злобно оскалился призрак. – Что именно тебя интересует?

– С чем мы здесь столкнулись?

– Целый кластер духов. Они встревожены, несчастливы и... Погоди, я уловил кое-что еще... – лицо призрака неожиданно перекосилось. – О, плохо дело. Действительно плохо. На твоём месте, Люси, я бы поискал окно и выпрыгнул из него. Ну сломаешь при этом обе ноги в нескольких местах, и что? Все-таки лучше, чем оставаться здесь.

– Почему? Что ты обнаружил?

- Еще одну сущность. Пока не могу сказать, что именно это такое. Но эта сущность сильная, голодная, и... - Призрак выпучил на меня глаза и добавил: - Нет, прости, поскольку я заточен внутри этой жуткой банки, уровень моего восприятия все же ограничен. Но если ты выпустишь меня...

- Ты прекрасно знаешь, что этому не бывать, - осекла я его.

- Но я же ценнейший член вашей команды!

- Кто тебе это сказал? Большую часть времени несешь всякую чушь, пока мы едва не погибаем.

Призрак недовольно поджал безжизненные губы:

- Зачем вспоминать то, что было? Теперь между нами все изменилось, теперь все по-новому, и ты знаешь, что это так!

Ну, отчасти призрак был прав. Наши отношения с черепом в самом деле изменились в последнее время - только в какую сторону?

Когда призрак впервые заговорил со мной - а это произошло несколько месяцев назад, мы отнеслись к этому очень настороженно. Но шла неделя за неделей, и мы, лучше узнав, что он собой представляет, привыкли к нему, перестали удивляться, иногда даже советовались с ним, но при этом относились к черепу с известной долей презрения. Все-таки он был циником и треплом и по-настоящему верить ему было нельзя.

Банку с этим призраком Джордж в свое время стащил из одного конкурировавшего с нами агентства. Случилось это довольно давно, после чего банка долго простояла на полке. И только намного позже, когда я случайно сдвинула один из клапанов на крышке, оказалось, что запертый в банке призрак способен со мной общаться. Поначалу череп вел себя по отношению к нам исключительно враждебно, но со временем - возможно, от скуки и желания общаться хоть с кем-нибудь - начал предлагать нам свою помощь в вопросах, касавшихся сверхъестественных явлений (это было его родной стихией). Иногда его советы и впрямь оказывались полезными, но полностью доверять призраку было невозможно. Он всегда оставался совершенно аморальным и злобным типом. Просто удивительно, сколько ненависти таилось в этой отделенной от

тела и плавающей в банке голове! Мерзкий характер призрака доставлял мне больше хлопот, чем остальным, поскольку я была единственной, кто мог слышать доносящийся из банки ехидный шепот.

Я постучала пальцем по стеклу, зеленое лицо удивленно скривилось мне в ответ.

– Ладно, сосредоточься на этом мощном призраке. Я хочу, чтобы ты обнаружил его Источник. Найди, где он спрятан.

С этими словами я выпрямилась. Джордж уже закончил выкладывать вокруг нас круг из железных цепей. Спустя секунду на площадке появился Локвуд и тоже присоединился к нам.

Как всегда, он был спокоен, сосредоточен и деловит.

– Да, это ужасно, – сказал он.

– Что именно?

– Обстановка в той спальне. Она вся выдержана в лиловых, зеленых и еще каких-то тонах, которые я могу описать только как желтую блевотину. Цвета совершенно не сочетаются друг с другом.

– А призрака там, значит, нет?

– Призрак? Почему же, был там призрак, но я его зафиксировал на месте солью и железом, теперь он никуда не денется. Если интересуетесь, можете пойти и взглянуть. А я тем временем пополню свои припасы.

Мы с Джорджем взяли свои фонарики, но включать их не стали. В этом для нас не было необходимости. Спальня оказалась маленькой, тесной, в ней уместилась лишь односпальная кровать и узкий платяной шкаф, да еще было крохотное окошко – черное, залитое снаружи дождем. Все это убожество освещала сфера потустороннего света, горизонтально подвешенная над кроватью, сливавшаяся по краям с подушкой и простынями. В центре сферы, как муха в янтаре, застыл призрак мужчины в полосатой пижаме. Он лежал на спине, будто спал, слегка приподняв над простынями руки. У мужчины были маленькие усики и

взъерошенные волосы. Глаза закрыты, небритая нижняя челюсть отвисла, обнажив беззубый рот.

От призрака расползались струйки холодного воздуха. Сферическая аура потустороннего света была окружена двумя кольцами – одно из соли, второе из железных опилок. Светящаяся сфера медленно пульсировала, и ее края время от времени касались частиц соли, рассыпая вокруг ярко-зеленые искры.

– Не знаю, сколько с них брали за ночлег в этом месте, – сказал Джордж, – но любому это было слишком много.

Мы вернулись на площадку.

Локвуд успел заново наполнить маленькие канистры солью и железными опилками и сейчас пристегивал их к своему рабочему поясу.

– Ну, видели его? – спросил он.

– А как же. Вопрос только в том, что его убило, – сказал Джордж.

– Череп говорит, что здесь присутствует очень мощный призрак. Утверждает, что очень плохой и опасный, – заметила я.

– Ну, это мы проверим в полночь. Однако давайте не будем ждать сложа руки, проверим лучше, что тут еще есть.

Мы проверили следующую спальню, в ней все было чисто. Но, открыв третью дверь, я обнаружила за ней сразу двух призраков. Один мужчина лежал на узкой кровати, как тот, из спальни номер один, только не на спине, а свернувшись калачиком на боку и подложив одну руку себе под голову. А еще он был старше и плотнее по сложению, с коротко подстриженными, песочного цвета волосами, бородатый и в темно-синей пижаме. Рядом с ним – так близко, что их ауры потустороннего света почти касались друг друга, – стоял еще один мужчина. На нем были пижамные штаны и белая футболка. Он выглядел так, словно только что встал с постели – одежда измята, на щеках щетина, длинные черные волосы на голове спутались. Сквозь его ноги можно было рассмотреть ковер. Задрвав голову, мужчина в ужасе смотрел на потолок.

– Здесь два пятна посмертного свечения, – сказал Локвуд. – Одно намного ярче другого. Разные даты, разные случаи. Но обоих этих мужчин убило ночью.

– Остается лишь радоваться, что они не спали обнаженными, – заметил Джордж. – Особенно вон тот, волосатый. Давайте их зафиксируем. Они, конечно, выглядят пассивными, но кто этих призраков разберет. У тебя есть железные опилки, Люси?

Я не ответила. Меня окатило призрачным холодом, и я услышала эхо эмоций – одиночество, страх, отчаяние. Переживания двух мужчин, умерших в этой комнате. Я вслушалась в доносившийся до меня из прошлого звук дыхания. Оно было ровным, как у спящего человека. Затем раздался шлепок – мягкий, мокрый, словно на пол свалился огромный угорь.

И тут краешком глаза я заметила что-то на потолке.

Оно тянулось ко мне, бледное и бесформенное.

Я быстро огляделась по сторонам, но вокруг никого и ничего не было.

– Ты в порядке, Люси? – Локвуд и Джордж уже стояли рядом со мной. Лежащий на кровати призрак бородатого мужчины тоже уставился вверх, на ту же самую точку, куда только что смотрела я.

– Я что-то видела. Наверху. Вроде протянутой вниз руки. Только это была не рука.

– А что это было, как ты думаешь?

– Не знаю, – ответила я и передернулась от омерзения.

Мы зафиксировали обоих призраков и проверили последнюю спальню на втором этаже. Мертвецов в ней не было – уже приятно. Затем мы осмотрели оставшийся лестничный пролет. Здесь по ступеням, как вода через дамбу, скатывались жирные волокна призрачного тумана, и лучи наших фонарей искривлялись в нем, словно огибая, ощупывая тьму.

– Вот где все оно начинается, – сказал Локвуд. – Вперед.

Мы собрали то, что осталось от наших припасов. Из глубины призрак-банки за нами пристально следило уродливое лицо.

– Эй, вы же не оставите меня здесь, правда? Я надеюсь занять место в первом ряду, когда вас начнут уничтожать.

– Да-да, разумеется, – кивнула я. – Скажи лучше, тебе удалось обнаружить Источник всего этого?

– Он где-то наверху. Но, наверное, ты и сама уже догадалась об этом?

Я бесцеремонно запихнула банку в рюкзак и поспешила вслед за остальными. Они уже успели подняться до середины лестничного пролета.

– Мне совсем не понравилось, как Эванс сказал, что придет утром собирать наши останки, – прошептал Джордж, когда мы приблизились к последней лестничной площадке. – Он явно намекал, что от нас останется совсем не много. Но надеюсь, он преувеличивал.

– Не факт, – покачал головой Локвуд. – Некоторые призраки высасывают так много энергии из своих жертв, что их тела становятся сухими и тонкими как бумага, наподобие пустых раковин. Этим, кстати, можно объяснить, почему полиция не смогла найти никаких останков. Очень может быть, что Эванс попросту сжигал их в своем камине в гостиной. Или сворачивал их и складывал в коробку у себя под кроватью. Или аккуратно вешал их в гардероб, словно собирал коллекцию слегка необычных костюмов. Я не преувеличиваю, возможно, именно как-то так все и было.

– Ну спасибо, Локвуд, – с чувством сказал Джордж после небольшой паузы. – Утешил. Теперь мне стало намного лучше.

– Но что это давало? – спросила я. – Я имею в виду, мистеру и миссис Эванс?

– Думаю, они присваивали себе деньги и вещи жертв. Хотя кто знает... Они оба выглядят чокнутыми, и не самую малость, а довольно сильно...

Тут Локвуд резко поднял руку, и мы застыли на самых верхних ступеньках. Эта лестничная площадка была такой же, что и этажом ниже, только на нее выходило всего три двери, и все они были закрыты. Температура вновь упала. Призрачный туман клубился над ковром как кипящее молоко. Мои уши разрывались от шепчущих мертвых голосов. Стало ясно, что мы приблизились к самому центру сверхъестественных событий.

Мы двигались медленно, будто тащили на своих плечах огромный груз, и внимательно смотрели по сторонам, но никаких манифестаций, то есть появлений призраков, пока не наблюдали.

- Череп, - позвала я, - что ты видишь?

Из моего рюкзака зазвучал утомленный шепчущий голос.

- Я вижу страшную, смертельную опасность, - занял он тоном провинциального шарлатана-астролога. - И эта страшная опасность близка, очень близка. Хочешь сказать, что сама не чувствуешь этой опасности? В таком случае ты бездарь, честное слово. Пожалуй, с такими способностями ты и Рейза не заметишь до тех пор, пока он не подойдет и не усядется своей холодной задницей тебе на колени.

Я сердито потрянула рюкзак:

- Ну ты, грязная кучка древних гнилых костей! Хватит ныть, говори толком, где она, эта твоя смертельная опасность?

- Понятия не имею. Извини. Слишком много парапсихологических помех. - И череп отключился.

Я передала своим друзьям слова призрака. Локвуд вздохнул:

- Все, что мы можем сделать, - это заглянуть в двери. Три двери, нас трое, каждому по одной.

- Чур моя вот эта, - заявил Джордж и уверенным шагом направился к двери на левой стороне площадки. Театральным жестом распахнул ее, заглянул внутрь и

притворно посетовал: – Ничего. Какая жалость!

– Так ведь даже ежику понятно, что это кладовка, – сказала я. – Смотри, и дверь по размеру меньше остальных, сразу видно, что сюда мало что можно запихнуть. Если по-честному, ты должен попробовать другую дверь.

– Еще чего, – покачал головой Джордж. – Давай теперь ты, твоя очередь.

Я выбрала правую дверь. На ней была приклеена табличка с цифрой 1. Выставив рапиру перед собой, я толкнула дверь, и мне открылась маленькая спальня с раковиной и зеркалом. А перед зеркалом стоял слабо светящийся тощий мужчина с голым торсом. На подбородке у него была белая пена для бритья, в одной руке он держал опасную бритву. Когда дверь открылась, мужчина обернулся и посмотрел на меня ничего не выражающими мертвыми глазами.

Меня внезапно охватил страх. Нашарив негнушимися руками баночки с солью и железными опилками, я высыпала все содержимое на пол. Соль и железо образовали барьер, пересечь который призрак не мог. Он отшатнулся назад и заметался из стороны в сторону, словно дикий зверь в клетке, все это время не сводя с меня своих пустых глаз.

Я вернулась на площадку и смахнула с бровей капельки ледяного пота:

– Все. Свою часть работы я сделала.

Локвуд поправил воротничок своей рубашки, тоскливо взглянул на последнюю закрытую дверь:

– Ну, что ж... Теперь, как я понимаю, моя очередь?

– Угу, – кивнула я. – Тебе осталась комната номер два, та самая, между прочим, о которой упоминал Эванс.

– Верно... Так что там, за дверью, очевидно, сидит призрак. А может, не один... – Признаюсь честно, бывали времена, когда Локвуд выглядел намного счастливее, чем в эту минуту. Он покачал в руке свою рапиру, крутанул плечами, глубоко вдохнул, а затем неожиданно усмехнулся, давая нам понять, что все идет как

надо. – Ладно, – сказал он. – Поглядим, насколько эта тварь страшна на самом деле.

И он рывком открыл оставшуюся на его долю дверь.

Он угадал: в комнате оказался не один призрак – их в ней было столько, что и не сосчитать. Она была битком набита ими – целой ротой джентльменов в ночных пижамах. Одни призраки светились ярче остальных, другие, напротив, были совсем бледными. Но при этом все они были одинаково мрачными, небритыми, с ввалившимися щеками и пустыми мертвыми глазами. Некоторые выглядели только что проснувшимися, других смерть застала в тот момент, когда они одевались. Призраков было так много, что они налезали друг на друга, зажатые в тесном пространстве между гардеробом и вешалкой для полотенец с одной стороны, и между кроватью и раковиной умывальника – с другой. Некоторые из них всматривались в потолок, другие парили над полом, повернувшись лицом в сторону открытой двери.

Все они были жертвами, но это отнюдь не делало их безопасными. Я чувствовала их обиду на судьбу, их слепую злобу. Нас всех обдало холодным воздухом. Полы длинного пальто Локвуда взлетели в воздух, моего лица коснулись растрепавшиеся волосы.

– Осторожно! – кричал Джордж. – Они нас заметили! Нужно выложить барьер раньше, чем...

Джордж хотел сказать «раньше, чем они двинутся», но было поздно.

Некоторые призраки тянутся к живым существам – возможно, чувствуют их тепло и хотят согреться сами. Ночевавшие в этой комнате мужчины умерли в одиночестве, поэтому у них была сильная тяга к теплу. Короче говоря, толпа светящихся фигур хлынула вперед, словно приливная волна, и в считанные секунды просочилась сквозь открытую дверь на лестничную площадку. Локвуд выронил банку с железными опилками, которые собирался рассыпать, и схватился за свою рапиру. Я уже вытащила свою, и мы в две руки принялись выписывать клинками сложный узор, пытаясь создать прочную защитную стену. Некоторые призраки отплыли назад, другие покачивались из стороны в сторону, держась на недостижимом для рапир расстоянии.

Я схватила Локвуда за руку и крикнула ему:

- Они окружают нас! Вниз по лестнице! Живо!

- Нет, - покачал он головой. - Вниз нам нельзя. Если они двинутся вслед за нами, мы окажемся в ловушке. Нужно найти Источник, а для этого есть только один путь - вверх.

- Но мы и так на самом верху дома!

- Да? А это что? - указал он рукой.

Я посмотрела - и увидела высоко на потолке контуры узкого деревянного люка.

- Джордж, - спокойно сказал Локвуд. - Принеси лестницу, пожалуйста.

- Какую еще лестницу? - недовольно буркнул Джордж. В данный момент он был очень занят: швырял соляную бомбу. Она срикошетила от стены, осыпав призраков искрами ярко-зеленого пламени.

- Принеси мне лестницу, Джордж.

Джордж в панике вскинул над головой руки и раздраженно крикнул:

- Да где же я тебе ее возьму?! Из трусов, что ли, выну?

- Нет, из кладовки, которую ты открывал, придурок! Давай шевели задом!

- Ах да. Вспомнил. - И Джордж ринулся к кладовке.

А призраки тем временем наступали на нас. Их шепот становился все громче. Вблизи от себя я увидела призрак мужчины в нательной рубашке и мешковатых пижамных штанах. Он двинулся мне навстречу, я нанесла рапирой удар по диагонали и рассекла Гостя. Его половинки разделились и поплыли рядом друг с другом, пытаюсь соединиться в единое целое. За моей спиной возился Локвуд, он вытащил из своего рюкзака цепи и теперь выкладывал из них круг посередине

лестничной площадки.

В этот момент возвратился Джордж с лестницей – складной, на раздвижных телескопических ножках. Он запрыгнул в круг, внутри которого уже стояли мы с Локвудом. Без лишних слов Джордж вытянул лестницу вверх до потолка, совместив ее край с краем люка рядом с его петлями.

Вся лестничная площадка была залита потусторонним светом. Призрачные фигуры плыли на нас, вытянув вперед свои белые мертвые руки. По краям выложенного из цепей круга шипела и дымилась эктоплазма.

Мы полезли вверх по лестнице – первым Локвуд, за ним Джордж, я замыкающей. Локвуд добрался до люка и сильно толкнул крышку. За ней показалась черная полоска, она росла, медленно раскрываясь, словно края бумажного веера. На наши головы полетели облака пыли.

Мне показалось, или призраки внизу под нами вдруг притихли? Да, притихли. Прекратили шептать и уставились своими пустыми глазами на черноту в отверстии люка.

Локвуд еще раз толкнул крышку люка, и она с грохотом упала внутрь чердака, повернувшись на своих петлях. Черный провал напоминал раскрытый беззубый рот. С чердака потек ледяной воздух.

Там, в темноте, таился завладевший этим домом ужас. Именно там нужно искать и его Источник. Мы не стали медлить и один за другим заползли на чердак, в моментально поглотившую нас непроглядную тьму.

3

Самое первое ощущение – там было ужасно холодно.

А еще темно – хоть глаз выколи. Только снизу в отверстие люка проникал столб потустороннего света от скопившихся там призраков, но от этого свечения окружающая тьма кажется лишь непрогляднее. Короче говоря, мы слабо могли различать только бледные лица друг друга, и больше ничего.

К тому же здесь чувствовалось чье-то присутствие. Оно ощущалось совсем рядом и, казалось, было повсюду. Близость этого «нечто» давила на нас, мешала дышать, сковывала наши движения. Мы чувствовали себя так, словно внезапно оказались глубоко под водой и она все сильнее прижимает, сжимает нас, грозя размазать по дну...

Первым взял себя в руки Локвуд. Я услышала, как он шелестит чем-то, роясь в своем рюкзаке. Локвуд достал свой фонарь, щелкнул выключателем и повернул регулятор мощности. Только теперь, в теплом свете фонаря, мы наконец смогли увидеть, что нас окружает.

Находились мы, естественно, на чердаке. Он напоминал пещеру – широкий внизу, уходя высоко вверх, он круто сужался к коньку крыши. Торцовые стенки чердака были сложены из кирпичей, вдоль одного торца на крышу проходила встроенная в него кирпичная труба дымохода. В другом торце виднелось одно высокое, но узкое окно. Высоко над нашими головами, теряясь в тенях, смутно виднелись балки, державшие на себе вес крыши.

В одном углу валялось несколько разломанных ящичков из-под чая. И больше ничего.

Или почти ничего. Со стропил свисали большие, как гамаки, полотнища паутины – серые, тяжелые, они напомнили мне навесы над прилавками, которые можно увидеть на арабском рынке. Вдоль нижних, касавшихся пола, краев крыши скопились груды мусора, было видно, что на чердаке давным-давно никто не бывал. Свисавшие с балок полотнища паутины слегка покачивались в потоках воздуха, потревоженного нашими движениями.

Кое-где на паутине блестел иней. Наше дыхание слетало с губ облачками морозного пара.

Мы продолжали неподвижно стоять на месте. Все знают, что пауки имеют странную привычку скапливаться в местах, где грань между нашим и потусторонним миром наиболее тонка. Их как магнитом притягивают старые Источники, где концентрируются и постепенно набирают мощь невидимые и неведомые нам силы. Неестественно большие скопления пауков – верный признак присутствия здесь старых и сильных призраков, а паутина окутывает то место, откуда в наш мир являются ожившие мертвецы. Честно говоря, до сих пор

я не заметила в «Лавандовом домике» ни одной паутины, но это ни о чем не говорит – возможно, миссис Эванс просто привыкла часто проходиться по всем углам щеткой для сметания пыли.

Но здесь, на чердаке, картина была совершенно иной.

Мы проверили, что у нас осталось из припасов. Торопясь забраться вверх по лестнице, Джордж забыл свой рюкзак и сумку внизу, а мы с Локвудом уже использовали все свои цепи и израсходовали почти все запасы соли и железных опилок. По счастью, Локвуд захватил свою сумку, в которой были жизненно необходимые в нашем положении серебряные печати, а на поясе у каждого из нас остались магниевые вспышки. Ах да, еще у нас была с собой банка с черепом, и это оказалось очень кстати. Я поставила призрак-банку рядом с открытым люком. Лицо призрака едва виднелось сквозь холодную темную плазму.

– Зря вы сюда забрались, – прошептал он. – Даже я и то нервничаю, а ведь я уже мертвый.

Я смахнула рапирой несколько волокон паутины, болтавшихся возле самого моего лица.

– Можно подумать, у нас был выбор, – ответила я. – Если что-то увидишь, дай мне знать.

Локвуд подошел к окну, почти такому же высокому, как он сам. Проскреб дырочку в покрывающем стекло инее и заглянул в нее.

– Окно выходит на улицу, – сказал он. – Вижу внизу призрак-лампы. Ладно. Итак, Источник должен быть где-то здесь. Осторожно все осматриваем, находим его, нейтрализуем, и дело с концом.

Мы приступили к поискам. Мы двигались как альпинисты на большой высоте – медленно, осторожно, внимательно осматриваясь на каждом шагу, болезненно сгибаясь под давлением чудовищной потусторонней силы.

Возле люка на полу виднелись свежие отпечатки рук – похоже, их оставили мельком заглянувшие сюда полицейские. Совершенно очевидно, что на сам чердак уже много лет никто не забирался. Все было покрыто толстым слоем пыли. Мы заметили отдельные, едва видные в пыли, завитки – их мог оставить кто-то, совершавший странные круговые движения в воздухе. Именно в воздухе, потому что нигде не было ни единого отпечатка ног.

Джордж потыкал своей рапирой в углы чердака и вытащил ее, густо облепленную паутиной.

Я стояла в центре чердака и внимательно вслушивалась. Вслушивалась в потрескивание промерзающих балок, слабое шуршание паутины, завывающий над крышей ветер. По черепичной крыше хлестал дождь. Барабанил по оконному стеклу. По стенам дома.

Однако внутри все было тихо. Даже снизу не долетал больше шепот призраков.

Ни звуков, ни явлений, ни хотя бы призрачного тумана.

Только жуткий холод.

Наконец мы сошлись все втроем в центре чердака. Я мрачно хмурилась, была в напряжении и дрожала от холода. Локвуд выглядел бледным и раздраженным. Джордж продолжал счищать с рапиры налипшую к ней паутину, водя клинком по краю подошвы своего ботинка.

– Ну, что скажете? – спросил Локвуд. – Есть какие-нибудь предложения?

– Есть, – как школьник поднял руку Джордж. – Я проголодался. Нам нужно перекусить.

– Перебьешься, – ответил Локвуд. – Свои бутерброды ты оставил внизу призракам.

– Я знаю. Вообще-то я надеялся, что Люси со мной поделится своими.

Я начала закатывать глаза, но внезапно замерла.

– Люси? – Локвуд, как всегда, первым заметил, что со мной что-то не так.

Я немного помолчала, прежде чем ответить.

– Мне кажется, – медленно начала я, – или на той балке действительно что-то лежит?

Эта балка была почти прямо над нашими головами. Свисавшая с нее паутина сливалась с прячущимися под скатом крыши тенями. А чуть выше виднелось темное пятно – то ли часть самой балки, то ли часть того, что лежало прямо на ней. Рассмотреть снизу было сложно, но то, что высывалось за край балки, могло, пожалуй, оказаться чьими-то волосами.

Мы молча внимательно всмотрелись в это пятно, потом Локвуд сказал:

– Лестницу, Джордж.

Джордж отправился за лестницей, втянул ее наверх сквозь отверстие люка.

– Те парни все еще там, внизу, – сообщил он. – Столпились вокруг цепей. Такое впечатление, будто ждут чего-то.

Мы приставили лестницу к балке.

– Хочешь бесплатный совет? – шевельнулся в своей банке призрак. – Самое худшее, что вы можете сделать, – это ползть туда, чтобы посмотреть. Лучше киньте магниевую вспышку и бегите прочь со всех ног.

Я передала слова черепа Локвуду. Он покачал головой:

– Если это Источник, мы должны запечатать его. одному из нас придется залезть наверх. Что скажешь, Джордж? За тобой должок после той кладовки, а?

Обычно лицо Джорджа выражает не больше эмоций, чем тарелка каши. Вот и сейчас на нем не было заметно ни особого восторга, ни желания залезть наверх.

– Или ты хочешь, чтобы это сделал я? – спросил Локвуд.

– Э... Да нет. Все отлично. Дай мне кольчужку.

Центром каждого явления призраков является Источник – предмет или место, к которому привязан тот или иной конкретный призрачный феномен. Если заблокировать такой Источник, наложив на него Печать – например, накрыв сеткой из серебряных колечек, – ниточка, по которой струится потусторонняя сила, обрывается. Поэтому Джордж взял такую сеть – кольчужку, заранее аккуратно уложенную в пластиковый чехол, – и полез по лестнице вверх, а та дрожала и раскачивалась под его весом. Мы с Локвудом остались ждать внизу.

– Только не говорите потом, что я вас не предупреждал, – напомнил из своей банки череп.

Джордж взобрался на такую высоту, куда едва проникал свет нашего зажженного фонаря, и приблизился к тонущей в тени балке. Я вытащила рапиру. Свою Локвуд уже держал в руке. Мы посмотрели в глаза друг другу.

– Ну, если что-то и случится, – пробормотал Локвуд, – то, скажу я, только потому...

Из-под балки вылетели белые щупальца. Блестящие, гладкие, с толстыми концами. Они разворачивались с ужасающей скоростью. Часть щупальцев развернулась вверх, целясь в Джорджа, другие устремились вниз, туда, где стояли мы с Локвудом.

– Черт, действительно случилось, – сказал Локвуд.

Щупальца приближались. Мы с Локвудом бросились врассыпную. Он кинулся к окну, а я в сторону люка. Джордж дернулся, стоя на лестнице, выронил кольчужку и потерял равновесие. Лестница завалилась назад, ударилась о скат крыши, ноги Джорджа соскользнули с нее, и он повис, уцепившись обеими руками за верхнюю ступеньку.

Щупальце ввинтилось в пол рядом со мной, легко прошло сквозь доски и устремилось вниз. Оно состояло из ихора – вещества, которое называется также

эктоплазмой. Если не хотите умереть, сделайте все возможное, чтобы это вещество не соприкоснулось с вашей обнаженной кожей. Вот почему я резко отпрыгнула в сторону и, споткнувшись, выронила свою рапиру.

Да не просто выронила. Рапира свалилась в открытый люк и затерялась где-то среди столпившихся внизу призраков.

Дела наверху, на лестнице, обстояли ничуть не лучше. Держась за лестницу уже только одной рукой, Джордж выхватил из поясного кармашка магниевую вспышку и швырнул ее в призрачные щупальца. Вспышка пролетела мимо, ударилась о крышу и взорвалась, осыпав Локвуда каскадом раскаленных частиц соли и железа, от которых на нем загорелась одежда.

Что ж, зачастую именно так и случается. Одна беда ведет за собой другую.

– Недурное начало! – прокомментировал призрак из своей банки. Его лицо оживилось и радостно осклабилось, когда я промчалась мимо, спасаясь от следующего, несущегося за мной, щупальца. – Решили на этот раз спалить друг друга? Оригинально! Ну а что будет следующим номером нашей программы?

Надо мной из балки и стропил крыши выросли все новые и новые щупальца. Их слепые, белые, мечущиеся по всему пространству чердака тупые кончики напоминали стебли спаржи. Стоявший на другом конце чердака Локвуд тоже выронил свою рапиру и, пятясь спиной, отступал к окну. Вся передняя сторона его пальто была охвачена язычками серебристого пламени, и, спасаясь от нестерпимого жара, он запрокинул голову.

– Воды! – крикнул он. – Есть у кого-нибудь вода?

– У меня есть! – Я нырнула, уклоняясь от очередного светящегося щупальца, и полезла в свою сумку. Нащупав в ней пластиковую бутылку с водой, крикнула: – А мне нужна рапира!

По чердаку пронесся неестественно сильный порыв ветра и ударил в окно позади Локвуда. Раздался звон бьющегося стекла. В настезь распахнутое окно ворвались струи дождя и завывание ветра. Теперь Локвуд находился всего в двух – ну, может, в трех – шагах от того, чтобы вывалиться наружу. А падение на улицу с такой высоты стало бы для него смертельным.

– Воды, Люси!

– Джордж! Брось мне свою рапиру!

Джордж услышал меня. Он отчаянно изогнулся, вися в воздухе, едва избежав при этом столкновения с очередным щупальцем. Рапира висела у него на поясе и раскачивалась, поблескивая клинком. Джордж изогнулся и выхватил ее.

Я отскочила, пропуская мимо себя летящее по воздуху щупальце, размахнулась и бросила Локвуду бутылку с водой.

В это же мгновение Джордж кинул мне свою рапиру.

А теперь смотрите, что получилось. Рапира и бутылка летят по воздуху, красиво проскакивают сквозь путаницу щупальцев, приближаясь ко мне и к Локвуду. Локвуд протягивает руку. Я протягиваю свою.

Помните, я говорила вам, что в этом расследовании был момент, когда наша команда действовала слаженно и четко, как никогда? Вот он и настал.

Правда, все закончилось намного хуже, чем начиналось.

Рапира просвистела за милю от меня, упала на пол и скользнула в недоступную даль.

Моя бутылка ударила Локвуда прямо в лоб, отбросила назад и вытолкнула его в раскрытое окно.

Наступила секундная пауза, затем раздался голос черепа:

– Он умер? Вау! О, нет! Он повис на ставнях. Обидно. Но все равно это лучший цирковой трюк, который я видел в своей жизни. Вы все трое – ничтожные, ни на что не годные идиоты.

Отчаянно танцуя, чтобы увернуться от ближайших ко мне щупальцев, я пыталась увидеть Локвуда. К моей радости, череп оказался прав. Локвуд висел

над пропастью, выгнувшись, уцепившись кончиками пальцев за разбитые ставни. Вокруг него завывал ветер, он трепал ему волосы и норовил сбросить вниз, в непроглядную ноябрьскую ночь. Хорошо хоть, что ветер и дождь сбили пламя на одежде Локвуда и огоньки начали гаснуть один за другим.

Но это не означало, что наше положение улучшилось. Теперь каждая секунда могла стать последней для любого из нас.

Рапира Джорджа лежала в нескольких метрах от меня, но с таким же успехом она могла лежать и где-нибудь в Париже. Призрачные кольца обвили ее и колыхались, словно анемоны на коралловом рифе.

– Ты сможешь достать ее! – крикнул Джордж. – Сделай сальто через щупальца или придумай еще что-нибудь!

– Сам сделай сальто! Это ты напортачил! Когда только научишься правильно бросать вещи!

– Это ты мне говоришь? Сама сначала научись бутылки кидать!

– Мне позволительно, я девушка. И в конце концов, я помогла ему погасить пламя, разве не так?

Ну, в каком-то смысле это было так, конечно. Но только отчасти. Наш лидер пытался влезть назад в окно. Его лицо позеленело, пальто все еще дымилось. На лбу у Локвуда – на том месте, куда попала бутылка с водой, – появился аккуратный красный кружок. Судя по выражению его лица, поблагодарить меня за это Локвуд не спешил.

Ко мне направлялось очень длинное серебристое щупальце, и я, натыкаясь на полотнища паутины, поспешила отступить к раскрытому люку.

– Живее, Люси! – азартно подгонял меня череп, сидя в безопасности в своей банке. – Оно прямо у тебя за спиной!

– Лучше бы помог чем-нибудь! – Я ахнула, когда щупальце вскользь задело рукав моей куртки. Куртка у меня толстая, но даже сквозь нее меня буквально

пронзило холодом.

– Я? – удивился череп. – Но я всего лишь «грязная кучка древних гнилых костей», так ты, кажется, меня назвала? Ну и что я могу для тебя сделать?

– Дай совет! Подскажи хоть что-нибудь!

– Это Чейнджер, против него нужно мощное средство. Не магниевая вспышка, ею ты только спалишь здесь еще кого-нибудь. Себя, например. Отгони его серебром, и тогда сможешь добраться до рапиры.

– Но у меня нет серебра!

Вообще-то у нас было много серебра, но все оно лежало в сумке Локвуда, а та была на другом конце чердака.

– А как насчет того дурацкого ожерелья, которое ты постоянно носишь? Оно-то из чего сделано?

Ну конечно! Ожерелье, которое подарил мне летом Локвуд! Оно из серебра. А серебро сжигает эктоплазму, из которой состоят призраки. Серебра боятся все Гости, даже Чейнджеры, которые являются в виде щупальцев из ихора. Ожерелье, конечно, не самое сильное оружие, которым я когда-либо пользовалась, но тем не менее... Да, череп прав, это лучше, чем ничего, поэтому можно попробовать.

Я присела возле стены на корточки и расстегнула застежку на ожерелье. Пока я это делала, к моим пальцам прилипли длинные нити паутины. Я крепко сжала конец ожерелья в руке и стала размахивать им в воздухе. Когда свободный конец ожерелья коснулся ближайшего ко мне щупальца, эктоплазма зашипела. Щупальце дернулось вверх и отодвинулось от меня. Почувствовав близость серебра, напряглись и попятились назад другие щупальца. Наконец вокруг меня образовалось свободное пространство. Я выпрямилась и прислонилась спиной к скату крыши.

Когда я прикоснулась пальцами к дереву, на меня накатила волна эмоций. Это были не мои чувства – чужие. Они сочились из древесины, из досок и из гвоздей,

которыми были сбиты эти доски. Они долетали до меня из глубины бешено вращающихся щупальцев самого призрака. Ощущения эти были ужасными – болезненная смесь чувства одиночества, обиды и холодной, непреклонной ярости. Чужие эмоции стучали мне в виски, а я тем временем озиралась вокруг.

Здесь, на чердаке, когда-то совершилось жуткое преступление. Оно стало источником энергии, которая движет этим злобным, мстительным духом. Я представила себе, как его щупальца легко и беззвучно проникают сквозь пол чердака и тянутся к несчастным постояльцам, спящим в комнатах внизу...

– Люси!

Я очнулась. Это был Локвуд. Он уже забрался назад на чердак, отошел от окна, даже успел поднять свою рапиру и рубил ее клинком ближние к нему щупальца. Они лопались словно пузыри, расплескивая радужные брызги плазмы. Пальто Локвуда превратилось в обгоревшие лохмотья, на лбу набухла шишка, но он вновь стал самим собой и был прекрасен. Его освещенное призрачным светом лицо улыбалось мне с другого конца чердака.

– Люси, – снова позвал он. – С этим нужно кончать.

– Он очень зол! – крикнула я в ответ, увертываясь от очередного щупальца. – Я вступила в контакт с призраком! Он сильно зол на что-то!

– И не говори! – ехидно откликнулся сверху Джордж, подгибая колени, чтобы избежать столкновения с бешено вращающимися щупальцами. – Твоя способность к восприятию поразительна! О, как бы я хотел обладать таким же Даром, как у тебя.

– Да уж, это не самое удивительное открытие, которым ты нас осчастливила, – кивнул Локвуд, наклоняясь над своей сумкой. – У меня где-то была Печать. Сейчас поищу. А не хочешь ли ты пока помочь Джорджу освободиться?

– Ничего-ничего, все в порядке, – сказал Джордж. – Можешь особо не спешить.

Какое там «не спешить»! Положение Джорджа казалось аховым. Он все еще висел на одной руке, и было видно, что держится на ней из последних сил.

Размахивая своим ожерельем, как пропеллером, я двинулась между щупальцами, и они расступались передо мной. Проходя мимо рапиры Джорджа, я подхватила ее, нырнула под лестницу и толкнула ее вперед. Лестница снова встала под Джорджем. Именно в этот момент у него разжались пальцы, и он рухнул на ступеньки, словно мешок с углем. Лестница прогнулась и затрещала. Но пусть уж лучше сломается лестница, чем шея у Джорджа. Представляю, какой неуклюжий мог бы получиться из него призрак.

В следующую секунду Джордж скатился вниз по лестнице, словно пожарный по шесту.

Я бросила ему рапиру и спросила:

- Что там наверху?

- Мертвяк. Злобный мертвяк. Пожалуй, это все, что тебе следует знать. - Джордж поправил на носу очки и набросился с рапирой на щупальца.

На другом конце чердака Локвуд вытащил что-то из своей сумки.

- Люси! Я бросаю тебе эту штуку! Забирайся на лестницу и постарайся ее поймать! - Он отвел руку назад и отпрянул в сторону, пропуская летящее прямо мимо его лица щупальце. Легкий взмах рапирой - и щупальце исчезло. - Готова? Лови!

Вот Локвуд бросать вещи умеет, ничего не скажешь. Я уже забиралась по лестнице, когда маленький квадратный предмет, перелетев над потолочной балкой, опустился прямо в мою подставленную ладонь. Джордж прикрывал меня сзади, с наслаждением одно за другим рубил на куски щупальца. Я добралась до верхней ступени лестницы, до того места, где она соприкасалась с балкой.

А на балке, разумеется, был Источник.

Трудно сказать, сколько лет он тихо и незаметно пролежал на своем потайном насесте. Слои паутины сгладили контуры костей, укутав их своим мягким серым саваном. Однако все еще можно было разглядеть и остатки старомодной одежды, и два вывернутых под неестественным углом коричневых ботинка, и

костяные дуги над забитыми пылью и паутиной глазницами.

Полосы темного вещества – не знаю, были это волосы или потемневшие нити паутины – свисали через край балки. Что здесь произошло когда-то? Сам ли несчастный залез сюда или был аккуратно уложен (что скорее всего) хладнокровным убийцей? У меня не было времени размышлять об этом. В мозгу бушевало эхо ярости мертвеца. Внизу, в мерцающем свете фонаря, Локвуд и Джордж сражались со щупальцами.

В те дни корпорация «Санрайз» как раз наладила выпуск серебряных сеток в пластиковых футлярах, очень удобных в использовании. Я ухватила сетку за кончик и дала ей полностью развернуться. Она легко скользила между пальцев – тонкая, мягкая, как тонко раскатанное тесто, как усыпанная сверкающими звездочками кожа.

Серебро блокирует любые Источники. Я размахнулась и накинула сетку поверх балки и лежащих на ней оплетенных паутиной костей. При этом я ничего не испытывала, никаких чувств, и проделала все совершенно спокойно, словно горничная, застилающая простыней кровать.

Сетка опустилась. Бушевавший в моем мозгу гнев мертвеца моментально испарился. От чужих эмоций не осталось ни следа, в голове звенела, перекачивалась эхом блаженная тишина. Щупальца Чейнджера остановились, застыли, а спустя секунду исчезли с чердака словно туман на заре. Вот только что были – и уже нет их.

Каким же большим и пустым показался нам чердак без Чейнджера! Мы неподвижно замерли там, где стояли. Я – прислонившись к лестнице, Локвуд и Джордж – привалившись к стене: уставшие, молчаливые, с дымящимися клинками рапир.

Дымились не только рапиры, но и одна сторона длинного пальто Локвуда. К носу у него прилипли серебристые чешуйки пепла. Моя куртка тоже пострадала – обгорела в том месте, где к ней прикоснулось призрачное щупальце. Все волосы у меня были облеплены жирной паутиной. Не обошелся без потерь и Джордж – порвал свои штаны сзади. О гвоздь или еще обо что, не знаю.

Мы зверски устали. Мы провели на ногах всю ночь. От нас воняло горелой эктоплазмой, солью и страхом. Мы посмотрели друг на друга и улыбнулись.

А затем принялись хохотать.

Из своей стоявшей возле люка стеклянной тюрьмы на нас кисло смотрело недовольное лицо призрака:

– Чему радуетесь, дураки? Практически провалили дело, и хохочут. А мне стыдно, стыдно за то, что я каким-то образом связан с «Локвудом и компанией». Трое безнадежных тупиц и идиотов.

Но это, конечно же, не так. Мы не были безнадежными. Мы были отличными. Мы были лучшими.

И не осознавали этого до самого конца, когда стало уже слишком поздно.

Часть 2

Уайтчепельские ночи

4

НОЧЛЕГ, ЗАВТРАК И... УБИЙСТВО!

Жуткие тайны уайтчепельского семейного пансиона

В яме под садовым сараем обнаружены мертвые тела

Полиция Восточного Лондона опечатала вчера «Лавандовый домик», семейный пансион на Кэннон-Лейн, в Уайтчепеле. Это произошло после того, как здесь были обнаружены человеческие останки. Владельцы пансиона мистер Герберт Эванс (72) и его жена Нора (70) арестованы по подозрению в убийстве и краже, а также в недонесении о появлении крайне опасного призрака. Сильный Гость, обитавший на чердаке «Лавандового домика», был уничтожен.

Полагают, что за последние десять лет от прикосновения призрака погибли многие постояльцы этого пансиона. Мистер и миссис Эванс складывали трупы умерших в скрытом в глубине сада погребке. Полиция обнаружила в доме большое количество часов, ювелирных украшений и других личных вещей, взятых хозяевами пансиона у жертв призрака.

Решающий вклад в расследование этого дела принадлежит парапсихологическому агентству «Локвуд и компания», возглавляемому мистером Энтони Локвудом. «Архивные поиски показали, что предыдущий владелец «Лавандового домика» исчез при загадочных обстоятельствах более тридцати лет назад, – сказал он. – Мы думаем, что именно ему принадлежало мумифицированное тело, обнаруженное нами на чердаке дома. Он стал злобным голодным духом, рыскавшим по дому и убивавшим постояльцев во время сна. А мистер и миссис Эванс извлекали из этого собственную выгоду».

После уничтожения призрака агентам пришлось вылезти через разбитое окно чердака на крышу, спуститься вниз по водосточной трубе и вновь проникнуть в пансион, чтобы вступить на кухне в последнюю схватку – на сей раз с пожилыми владельцами дома. «Оказалось, что старый Эванс очень умело обращается с ножом для разделки мяса, – сказал мистер Локвуд, – а его жена набросилась на нас с шампуром. Поэтому нам пришлось ударить их по голове щеткой. Момент был щекотливым, но всем нам посчастливилось остаться целыми и невредимыми».

– И это все, – недовольно сказал Локвуд. Он опустил газету и откинулся на спинку кресла. – Это все, чем отблагодарила нас за наши старания «Таймс». В этой статье подробнее рассказывается о стычке на кухне, чем о схватке с Чейнджером. Точнее, о ней вообще ничего не сказано. А ведь это было самым главным в этом деле, разве не так?

– И насчет «целыми и невредимыми» я не вполне согласен, – добавил Джордж. – Та старая корова довольно сильно приложила меня. Вот, видите?

Я посмотрела на Джорджа и задумчиво ответила:

– Да? А мне казалось, что твой нос всегда так выглядит.

– Да нет же, не нос. Вот здесь, на лбу. Царапина.

– Кошмар, – недовольно пробурчал Локвуд. – Но больше всего меня огорчает то, что отчет помещен на седьмой странице. Здесь его почти никто не заметит. А на первой странице опять сообщения о нашествии призраков в Челси. На этом фоне наше расследование совершенно теряется.

Было позднее утро, два дня спустя после происшествия в «Лавандовом домике». Мы сидели в библиотеке нашего дома на Портленд-Роу и пытались расслабиться. За окном бушевал осенний штормовой ливень, вся улица, казалось, стала жидкой – деревья сгибались под натиском ветра, по стеклу бежали струи воды, искажая очертания домов. Но у нас в доме было тепло и сухо, батареи отопления работали на полную мощность.

Джордж развалился на диване рядом с огромной кучей неглаженого белья и листал комикс.

– Стыд и позор, что они ничего не пишут о самом главном, – сказал он. – О том, что Чейнджер создал свой собственный кластер призраков – а ведь это поразительная вещь. Она показывает, каким образом распространяется Проблема. Смотрите: выходит, что сильные Гости совершают жестокие убийства и создают из жертв подчиненную им вторичную группу призраков. Ужасно интересно. Мне хотелось бы более подробно исследовать этот процесс.

Джордж был в своем репертуаре. Когда рискованное расследование завершается, ему всегда интересно понять, что и как в этом случае произошло. А у меня все иначе. Каждое такое приключение оставляет в моей памяти глубокий эмоциональный след, от которого хочется поскорее избавиться. Но забыть пережитое бывает очень не просто.

– А мне просто жаль тех несчастных постояльцев, которые попали в объятия призрака, – сказала я, сидя на полу возле дивана скрестив под собой ноги. Официально считалось, что я сейчас разбираю почту, но на самом деле я тихонько дремала. Прошлая ночь выдалась хлопотной, я до трех часов не спала, выслеживая, а затем уничтожая одного Луркера. – Я ощущала их печаль, одиночество, – продолжила я. – Даже этот Чейнджер... Да, он был ужасным, но и несчастным тоже. Я чувствовала его боль. И если бы у меня было больше времени, чтобы как следует войти с ним в контакт...

– ... он убил бы тебя, и дело с концом, – закончил за меня Локвуд из глубин своего кресла. – Ты обладаешь удивительным Даром, Люси, но единственный призрак, с которым я разрешаю тебе общаться, – это череп в банке... И то, если честно, не уверен, что это так уж безопасно.

– Нет, не волнуйся, с черепом у нас все в порядке, – сказала я. – Прошлой ночью он помогал мне справиться с моим Луркером. Подсказал, где искать его Источник, я его выкопала и запечатала. Кстати, мы были совсем неподалеку от Челси. А вы двое? Слышали, что там происходит? Новости тревожные.

– Да, тревожные, – кивнул Локвуд. – Еще три человека убиты. ДЕПИК, как всегда, в растерянности. Думаю, сегодня ночью они эвакуировали еще пару улиц.

– Более того, – добавил Джордж, – эпидемия распространилась еще на добрую квадратную милю дальше вдоль Кингс Роуд. С каждой ночью Гостей становится все больше, их концентрация растет невиданными темпами, и никто не знает почему, – он поправил на носу очки. – Это ужасно. А ведь до самого недавнего времени Челси был на редкость спокойным районом, тихим и мирным, а потом вдруг раз – и началось. Как будто тормоза отказали. Вторжение Гостей распространяется словно самая настоящая эпидемия. И мне очень хотелось бы узнать: что именно их расшевелило? И каким образом распространяется среди мертвых эта инфекция?

Ответа на этот вопрос у меня, разумеется, не было, да я и не стала бы пытаться его найти. Локвуд только застонал – он сам возвратился домой лишь под утро: всю ночь гонялся за Спектром на болотах Хэрни и был не в настроении размышлять над волновавшими Джорджа проблемами.

– Лично меня, – сказал он, – волнует только то, что нашествие призраков в Челси вредит репутации нашего агентства. Мы отошли на второй план. Вам известно, что к расследованию в Челси привлекли команду Киппса? И вот, пожалуйста, результат. Киппс сегодня на первой полосе «Таймс» со своими идиотскими высказываниями. На первой! Но такого не должно быть! Вывод? Нам просто необходимо принять участие в таком серьезном деле, как нашествие призраков в Челси. Может быть, мне поговорить с Барнсом? Спросить, не хочет ли он, чтобы мы тоже подключились к этому расследованию? Правда, есть одна проблема – мы с вами слишком переутомились в последнее время...

Да, это верно. Переутомились... Как я уже говорила, стоял ноябрь, начиналась так называемая «Черная зима», ставшая самым ужасным и тяжелым периодом во всей истории Проблемы. Началась невиданная за все пятьдесят лет существования Проблемы эпидемия нашествий призраков, и события в Челси, строго говоря, были лишь верхушкой этого айсберга. Все агентства парапсихологических исследований работали буквально на пределе своих сил, и «Локвуд и компания» не было исключением. Да, мы переутомились, и это было еще очень мягко сказано.

Мы, все втроем, жили в четырехэтажном особняке на лондонской Портленд-Роу, здесь же находился и офис нашего агентства. Владельцем дома был сам Локвуд. Когда-то этот особняк принадлежал его родителям, на развешанных во многих комнатах стеллажах до сих пор оставались собранные ими в зарубежных поездках предметы – ритуальные африканские маски, восточные барабанчики и отгоняющие злых духов трещотки, обереги, шаманские бубны.

Цокольный этаж дома Локвуд переоборудовал под офис с рабочими столами и картотеками. Здесь же находились кладовые с запасами соли, железа и всего прочего, а также тренировочный зал, где мы оттачивали свое мастерство владения рапирой. В дальнем торце цокольного этажа имелась защищенная железом стеклянная дверь, ведущая в садик с маленькой лужайкой и несколькими яблонями. Летом мы иногда пили там чай и отдыхали. На верхних двух этажах располагались спальни, а на первом этаже была кухня, библиотека и гостиная, в которой Локвуд принимал наших клиентов. Именно здесь мы проводили большую часть своего свободного времени.

Правда, в последние месяцы этого свободного времени у нас практически не стало. Причиной тому отчасти были наши собственные успехи, сделавшие

агентство достаточно известным в Лондоне. В июле мы провели расследование на кладбище Кенсал Грин, и оно закончилось так называемой «битвой среди могил», когда агенты столкнулись с бандой головорезов, работавших на мафию перекупщиков с черного рынка экстрасенсорных артефактов. Это расследование, как и раскрытое нами незадолго до этого дело ужасного призрака-крысы из Хэмпстеда, широко освещалось в прессе, а позднее интерес к нашему агентству подогрел суд над главарем мафии черного рынка Джулиусом Винкманом. На суде Локвуд, Джордж и я выступали свидетелями, давая показания против этого человека. В середине сентября Винкман был осужден и помещен в Уондсворскую тюрьму – все это обеспечивало нашему агентству бесплатную рекламу на протяжении целых двух месяцев, и телефон в нашем офисе почти не умолкал.

Правда, несмотря ни на какую рекламу, большинство богатых клиентов все же предпочитали иметь дело с крупными агентствами, у которых и оборудование дороже, и репутация давнишняя. Так что большинство наших заказов поступало из бедных районов, того же Уайтчепела, например, где клиенты довольно ограничены в своих средствах. Но работа есть работа, и Локвуд старался не отказывать никому. А это означало, что свободные вечера стали для нас недостижимой роскошью.

– Что у нас на сегодня, Джордж? – неожиданно спросил Локвуд. Он сидел, устало подперев голову рукой, и, казалось, засыпал. – Пожалуйста, скажи, что ничего.

Джордж молча показал три пальца.

– Три? – простонал Локвуд. – А что именно?

– Женщина в вуали на Нельсон-стрит, в Уайтчепеле. Призрак в многоквартирном доме. И Тень, которую заметили за общественным туалетом. Обычный джентльменский набор.

– Опять придется делиться, – сказал Локвуд. – Чур, моя женщина в вуали.

– Чур, моя Тень, – хрюкнул Джордж.

– Что? – вскинула я голову. «Чур» – это наше второе по важности правило после «Правила печенья» (за один раз каждый может взять одно печенье, и не

больше). И эти правила всегда строго соблюдаются. – Значит, мне идти в многоквартирный дом? Великолепно. Могу поспорить, что там окажутся отключены лифты и все такое прочее.

– Ну, ты в достаточно хорошей форме, чтобы осилить пару лестничных пролетов, Люси, – проворковал Локвуд.

– А если это двадцать первый этаж? И там, наверху, меня будет ждать сильный призрак, например Сырые Кости, а я явлюсь с высунутым языком и не смогу с ним справиться? Погодите! А что, если лифт все-таки работает, но именно в нем и засел Гость? Помните, что случилось с той девушкой из агентства «Себрайт», когда она застряла в том зараженном призраками подъемнике на верфи Кэнери? От нее тогда остались одни башмаки!

– Не кипятись, – сказал Локвуд. – Ты просто устала. Мы все устали. Я уверен, что все будет хорошо.

Мы все снова замолчали. Я привалилась затылком к диванным подушкам. Стекавшие по оконному стеклу струйки воды напоминали кровавые вены.

Почему кровавые? Ну ладно, пусть будет не кровавые... Я действительно устала, как справедливо заметил Локвуд.

Локвуд... Прищурив глаза, я наблюдала за ним сквозь опущенные ресницы. Видела его длинные босые ноги, легко перекинутые через подлокотник кресла, контуры тела, наполовину скрытые под мятой рубашкой. Лицо Локвуда почти целиком было прикрыто ладонью, за исключением твердой линии подбородка и выразительных губ – в данный момент расслабленных и слегка приоткрытых. На рукав белой рубашки мягко свесились длинные пряди его темных волос.

Как он умудряется так элегантно выглядеть, даже проспав всего пять часов и так неудобно съездившись в своем кресле? Лично я не люблю неодетых людей, а особенно Джорджа, – это, простите, «вредно для здоровья». Но Локвуд отлично смотрелся даже полуодетым. А в комнате было так тепло, так уютно... Мои ресницы опускались все ниже, ниже... Я положила руку на свое серебряное ожерелье, медленно пропустила его между пальцев...

– Нам нужен еще один агент, – неожиданно сказал Локвуд, и мои глаза моментально открылись.

По звуку я догадалась, что за моей спиной Джордж опустил свой комикс.

– Что ты сказал? – переспросила я, не веря своим ушам.

– Нам нужен еще один сотрудник. Еще один агент, который будет подстраховывать нас. Неужели это не понятно? Не можем же мы все время работать в одиночку.

– В «Лавандовом домике» мы работали все вместе, – сказала я.

– Это был особый случай, – Локвуд шевельнул рукой, убирая упавшие на лицо волосы. – И вряд ли он повторится. Ну согласитесь, если мы уже едва справляемся, разве нет?

Джордж зевнул.

– С чего это ты заговорил об этом? – спросил он и с хрустом потянулся, толкнув лежавшую у меня над головой грудю неглаженного белья. Из нее вывалились шорты Джорджа и медленно спланировали мне прямо на нос.

– Да вот вам наглядный пример, – сказал Локвуд, пока я трясла головой, пытаюсь сбросить с себя шорты. – Один из вас должен перегладить всю эту грудю. А времени на это ни у кого нет.

– «Один из вас»! – фыркнул Джордж. – Ты тоже мог бы постоять за утюгом.

– Я? Но я занят еще больше, чем вы.

В принципе, он был прав, именно так и обстояли наши дела в последнее время. За ночь мы выкладывались так, что ни на что остальное у нас просто не оставалось сил. Поэтому мы совершенно забросили многие домашние дела – уборку, стирку, готовку. Весь дом на Портленд-Роу, 35, был в полном беспорядке. Кухня, например, выглядела так, будто в ней взорвалась солевая бомба. Даже череп в банке, привыкший, должно быть, ко многому, и тот начал делать

язвительные замечания по поводу того, в каком хлеву мы живем.

– Если мы возьмем еще одного агента, то сможем выходить на работу по очереди, а это значит, что через три дня на четвертый каждый из нас будет нормально спать ночью, а днем заниматься хозяйством. Я уже все обдумал, и не раз, и пришел к выводу, что ничего другого нам просто не остается.

Мы с Джорджем молчали. Лично мне совершенно не хотелось обзаводиться новым коллегой. Скажу больше – от одной этой мысли меня начинало мутить. Да, мы были слишком заняты, но мне нравилась такая работа. Достаточно вспомнить, как дружно мы действовали во время расследования в «Лавандовом домике» и как умело справились с тем сложным случаем. И вовсе не нравилась перспектива привыкать к новому товарищу по работе.

– Ты уверен? – спросила я наконец. – А где будет спать твой новый оперативник?

– Не, уж во всяком случае не на полу, – сказал Джордж, – а то заразу какую-нибудь подцепит.

– Но и не на чердаке же со мной.

– Здесь вообще никто спать не будет, идиоты, – сердито проворчал Локвуд. – Разве обязательно спать там же, где работаешь? Девяносто девять процентов людей утром приходят на работу, а вечером возвращаются домой. Вы что, не знали об этом?

– А может, нам вообще не стоит брать агента, – предложила я. – Может быть, нам нужна просто помощница. Пусть следит за домом, прибирает, готовит, и еще будет за секретаря. А с основной работой мы прекрасно и сами справимся.

– Я согласен с Люси, – сказал Джордж, возвращаясь к своему комиксу. – Мы в самом деле отлично сработались. Не стоит разрушать команду.

– Хорошо, я подумаю над этим, – сказал Локвуд.

Но, разумеется, Локвуд был слишком занят, чтобы думать обо всем этом, поэтому можно было надеяться, что дальше этого разговора дело не двинется. И, признаюсь вам честно, меня это вполне устраивало. К этому времени я работала в агентстве уже восемнадцать месяцев. Да, мы заработались, да, мы жили как в хлеву. Да, мы почти каждую ночь рисковали своей жизнью. Но я была очень счастлива.

Почему, спросите вы? На то было три причины – мои коллеги, изменившаяся самооценка и открытая дверь.

Среди всех лондонских агентств «Локвуд и компания» было уникальным. Нет, не потому, что оно самое маленькое (всего три агента), а потому, что его владелец и глава сам был юным человеком. Другие агентства нанимали себе в штат сотни детей-оперативников (именно детей, поскольку только они способны обнаруживать Гостей), но руководителями всегда были взрослые, не подходившие к зараженному призраками дому ближе, чем на расстояние крика. А вот Локвуд был главой агентства, который сам сражается с призраками. Он блестяще владел рапирой – второго такого фехтовальщика, пожалуй, не найти, – и я была счастлива работать с ним бок о бок. Счастлива во многих отношениях. Мне нравился его независимый характер, Локвуд умел вдохновлять своих товарищей, удивительным образом сочетая в себе холодную невозмутимость и пылкую отвагу. А дополнительное очарование Локвуду придавала окружавшая его таинственность.

Он редко говорил о своих чувствах, желаниях или о том, что им движет, поэтому за первый год, проведенный в доме на Портленд-Роу, я практически ничего не узнала о его прошлом.

Загадкой оставались его родители, хотя на каждой стене висели или стояли вещи, которые они собирали. Как Локвуд стал владельцем этого дома и откуда взял деньги, чтобы основать собственное агентство, я тоже не знала. Впрочем, это не имело для меня большого значения. Локвуд был укутан в тайну, как в свое длиннополое пальто, и мне нравилось просто быть с ним рядом – тогда я чувствовала, что отблеск его тайны ложится и на меня.

Итак, соседство с Локвудом делало меня счастливой, думаю, вы это уже поняли. Что касается Джорджа, то привыкнуть к нему оказалось для меня непросто. Неряшливо одетый, непричесанный, язвительный, он славился на весь Лондон своей нелюбовью к частому использованию мыла. Однако при этом Джордж был

умен, честен, безгранично любознателен и талантлив как исследователь. Именно благодаря его дотошным и успешным поискам в архивах мы, в общем-то, и были живы по сей день. Плюс – и это самое главное – Джордж был безгранично предан своим друзьям, стать которыми посчастливилось Локвуду и мне.

И все было прекрасно, и все мы действительно были друзьями и безоговорочно верили друг другу, но при этом каждый из нас мог свободно заниматься именно тем делом, которое было больше всего ему по душе, – никто никому не мешал и ничего не навязывал. Джордж мог с увлечением исследовать причины Проблемы. Локвуд постоянно заботился об укреплении репутации нашего агентства. Я? До того как попасть на Портленд-Роу, я ничего не знала о своей способности слышать голоса мертвых и (иногда) вступать в общение с ними. Первое время это очень меня пугало. Но работа в агентстве «Локвуд и компания» дала мне возможность постепенно изучить и освоить этот мой Дар, показала мне самой, на что я способна. После радости, которую я получала от общения со своими друзьями, понимание своих новых возможностей было второй причиной, по которой я чувствовала себя такой удовлетворенной и счастливой в это хмурое ноябрьское утро. И моему счастью не мог помешать даже хлеставший за окнами дождь.

Третья причина? Ну что ж, скажу и о ней. На протяжении нескольких месяцев во мне копилось разочарование оттого, что Локвуд замкнулся в себе, почти полностью отдалился от нас. Мы, все трое, по-прежнему поровну делили выпадавшие на нашу долю испытания, по-прежнему безгранично доверяли друг другу, но с течением времени окружавшая Локвуда тайна начинала все сильнее удручать. Он отказывался говорить с нами о загадочной комнате на втором этаже нашего дома, о комнате, в которую категорически запрещал заходить мне и Джорджу. Я строила массу предположений относительно того, что может скрываться за этой дверью, но ясно было лишь то, что эта комната каким-то образом связана с прошлым Локвуда. Скорее всего – с судьбой его родителей. Тайна комнаты на втором этаже невидимым барьером вставала между нами, образуя дистанцию, и я уже отчаялась когда-нибудь раскрыть ее – или, что почти одно и то же, – понять Локвуда.

Так продолжалось до тех пор, пока в один прекрасный летний день Локвуд внезапно не сменил гнев на милость. Без всяких предисловий он привел нас с Джорджем на лестничную площадку второго этажа, открыл запретную дверь и приподнял покров, скрывающий его тайну.

И знаете, что оказалось? Оказалось, что я ошибалась.

Это вообще была не комната его родителей.

Это была комната его сестры.

Его сестры, Джессики Локвуд, которая умерла здесь шесть лет назад.

5

Чтобы не травмировать психику наших посетителей, а также сохранить свой собственный покой, я перенесла банку с черепом в дальний угол цокольного этажа и накрыла ее стеганой грелкой для заварного чайника. Время от времени я приносила банку в гостиную и открывала клапан на крышке, чтобы череп мог поделиться со мной мрачными тайнами мертвых или донимать меня своей глупой болтовней – по-моему, это доставляло ему огромное удовольствие. Так случилось, что банка стояла на серванте и в тот день, когда я пришла готовить свою амуницию к ночной работе.

Как мы и договаривались, работать сегодня нам предстояло порознь. Джордж уже отправился в Уайтчепел искать Тень, которую там приметили за общественным туалетом. Локвуд укладывал свои вещи, готовясь уйти на поиски женщины в вуали. Мой поход отменился – я уже собралась было ехать в многоквартирный дом, когда позвонил мой клиент и попросил перенести визит по причине его нездоровья. Это означало, что у меня был выбор, хотя и небольшой – остаться дома и заняться глажкой белья или отправиться вместе с Локвудом. Сами легко можете догадаться, что именно я выбрала.

Я вытащила рапиру оттуда, куда поставила ее прошлой ночью, засунула в кармашки рабочего пояса несколько соляных бомбочек – они валялись прямо на полу возле дивана. Когда я уже подходила к двери, из тени прозвучал знакомый хриплый голос:

– Люси! Люси...

– Ну и что тебе? – В закатных лучах солнца внутри банки плавали, кружась, бледные искорки, скрывая от глаз темную неподвижность старого черепа.

Искорки слились, образовав жуткое лицо, тускло мерцавшее в сумерках зеленоватым потусторонним светом.

– Уходишь? – сварливо заметил призрак. – Возьми меня с собой.

– Нет, ты останешься здесь.

– Ну, Люси, пожалуйста. Мне так скучно.

– Скучно? Так дематериализуйся. Или подвигайся. Поплавай в банке. Смотри сквозь стекло, наслаждайся видом. Веди себя как нормальный призрак. Я уверена, что ты умеешь развлекать себя сам. – Я повернулась, собираясь уйти.

– Наслаждаться видом? В этом вашем бомжатнике? – Лицо в банке колыхнулось, прижалось к стеклу кончиком носа. – В морге и то веселее, чем здесь у вас. И чище. Глаза бы мои не смотрели на ваш бедлам.

Уже положив ладонь на дверную ручку, я обернулась:

– Ничем не могу тебе помочь. Впрочем, если хочешь, могу закопать тебя в ямку и разом решить все твои проблемы.

Разумеется, я не стала бы закапывать череп, что вы. Из всех Гостей, которых мы встречали – нет, из всех Гостей, которых вообще кто-либо встречал за последнее время, – наш череп был единственным призраком, с которым можно было полноценно общаться. Другие призраки могли стонать, стучать, издавать невнятные звуки – именно таким образом агенты, обладающие, как и я, экстрасенсорным Слухом, обнаруживают их присутствие. Но, согласитесь, от этих бессмысленных звуков до нормального разговора, который можно было вести с черепом, – как отсюда до Луны. Наш череп был редкостным призраком Третьего типа, только поэтому мы до сих пор не поддались искушению выбросить его вместе с банкой в мусорный бак.

– Чтобы закопать меня, тебе нужно будет выкопать яму, – меланхолично занял череп. – А чтобы выкопать яму, тебе нужно будет поработать. А к работе вы, все трое, совершенно не пригодны. К любой работе. Постой, я угадаю... Бьюсь об заклад, ты сегодня снова идешь в Уайтчепел. Ах, эти восхитительные темные

улочки... эти чудные кривые аллеи... Слушай, возьми меня с собой! Тебе же нужен компаньон, верно?

- Нет, не нужен, - отрезала я. - Мы идем вдвоем с Локвудом. И я должна поторопиться - он уже надевает пальто в холле.

- Ах-ах! «Мы идем, мы вдвоем»... Понимаю. Значит, мне лучше оставить тебя на произвол судьбы? Ладно.

- Правильно. Умный мальчик. - Я немного помолчала и спросила: - На произвол судьбы? Что ты хочешь этим сказать?

- Ничего. - Лицо подмигнуло мне своим злым глазом. - Не хочу быть третьим лишним. Довольна?

- Не понимаю, о чем ты. Мы с Локвудом идем на дело.

- Ну да, конечно-конечно. На дело! Отлично придумано. Только лучше сбегай и переоденься.

- Люси, ты где? Пора! - донесся из холла голос Локвуда.

- Иду! - крикнула я в ответ, а затем негромко, но сердито спросила у призрака: - А зачем мне переодеваться? Это моя рабочая одежда.

- Ты не должна выходить с кем-то в таком виде, - заявил призрак, критически осмотрев меня. - Только взгляни на себя. Леггинсы, футболка, дрянная старая юбка, проеденная молью кофта... То ли слабоумный матрос, то ли уличная попрошайка. Разве можно в этом выглядеть прилично? Кому ты можешь понравиться в таких обносках?

- А кто тебе сказал, что я хочу кому-то понравиться? - цыкнула я. - Я агент! И иду на свою работу! А если ты не умеешь себя вести... - Я подошла к серванту и взяла в руки грелку для чайника.

- О, мои слова тебя задели? - ухмыльнулся призрак. - Задели, задели! Очарова...

Договорить ему я не дала. Закрыла клапан, напялила на банку стеганую грелку и вышла из комнаты.

Локвуд ждал меня в холле, – как всегда, одетый безупречно. Он внимательно посмотрел на меня и спросил:

– С тобой все в порядке, Люси? Или череп опять тебя достал?

– Ничего такого, с чем я не смогла бы справиться. – Я пригладила волосы, решительно выдохнула и с беззаботной улыбкой спросила: – Ну что, пошли?

Обычные такси в Лондоне после комендантского часа не работают, но есть небольшой парк специальных машин, базирующихся на нескольких хорошо защищенных ночных стоянках. В основном они перевозят агентов и официальных представителей ДЕПИК, занятых в ночную смену. Эти машины внешне такие же, как и дневные такси, только выкрашены не в черный, а в белый цвет, и водителями на них служат крепкие, чаще всего коротко подстриженные мужчины средних лет – неразговорчивые, неулыбчивые и очень опытные. По словам Локвуда, большинство из них – бывшие заключенные, досрочно выпущенные из тюрьмы с условием, что они будут выполнять эту опасную ночную работу. Все они обвешаны металлическими оберегами и гоняют со страшной скоростью.

Ближайшая от нас стоянка ночных такси находится на Бейкер-стрит, рядом с метро. Нашего шофера Джейка я узнала сразу, он уже как-то возил нас пару раз. В ушах у него были огромные серебряные серьги, и они бешено раскачивались, когда Джейк вывез нас из подземного гаража и помчал на восток по Мэрилебон Роуд.

Локвуд вытянулся на сиденье и улыбнулся мне. Сейчас, когда мы ехали на работу, он казался более оживленным, чем дома, его дневную усталость как рукой сняло.

Я же после нашего последнего разговора с черепом была совершенно не в своей тарелке.

– Ну, – спросила я деловым тоном, – что там за Гость, к которому мы едем в гости? Домашнее привидение?

– Вроде того, – кивнул Локвуд. – Явление, которое заметили в одной из комнат верхнего этажа. Нашу клиентку зовут миссис Петерс. У нее двое маленьких сыновей. Эти мальчишки и сказали, что видели жуткую леди в вуали. Она одета во все черное и, похоже, сидит внутри стекла в окне спальни.

– Ага. С детьми все в порядке?

– Ну как тебе сказать... Вообще-то они бились в истерике. Одного пришлось накачать снотворным... Ладно, вскоре, я думаю, мы с тобой увидим эту леди собственными глазами. – Локвуд повернулся к окну, рассматривая безлюдные тротуары и убегающую вдаль полосу пустынной мостовой.

Водитель обернулся через плечо:

– Кажется, что сегодня ночью довольно спокойно, мистер Локвуд, но это не так. Вам повезло, что наняли меня. Моя машина была последней свободной в гараже.

– А в чем дело, Джейк?

– А все то же нашествие призраков в Челси. Там собирают огромную команду, чтобы справиться с ними. ДЕПИК набирает агентов отовсюду – с запада, востока, из центра города. Они реквизируют почти все такси.

– А из каких агентств они берут оперативников? – нахмурился Локвуд.

– Само собой, из крупных – «Фиттис», «Ротвелл»...

– Ну правильно.

– Плюс из «Тенди», «Аткинс и Армстронг», «Тэмуорт», «Гримбл», «Стейнс», «Меллингкамп», «Банчерч»... Из каких-то еще, только я названий не помню.

– «Банчерч»? – негодуяще фыркнул Локвуд. – Это совсем не крупное агентство. Там служат всего десять человек, и восемь из них ни на что не годны.

– Не мое дело об этом судить, мистер Локвуд. Хотите, я добавлю лавандового аэрозоля в кондишку? В таких новеньких машинах, как моя, услуга это бесплатная.

– Нет, спасибо, – ответил Локвуд и сильно втянул носом воздух. – У нас с Люси есть свои обереги, хотя мы и не из «крупного» агентства. Мы чувствуем себя достаточно защищенными и без бесплатной лаванды.

После этого Локвуд замолчал, но чувствовалось, насколько он раздражен. Он уставился в окно, барабаня пальцами по колену. Я сидела, забившись в тень на заднем сиденье, наблюдала за тем, как свет уличных фонарей играет на щеках и поджатых губах Локвуда, отражается в его темных, беспокойных глазах. Я знала, почему Локвуд злится – ему хотелось, чтобы о его агентстве говорили как об одном из лучших в столице. Он сгорал от честолюбивого желания внести свой – решающий, конечно же – вклад в решение Проблемы.

И я понимала причину этого желания.

Разумеется, понимала. С того самого летнего дня, когда Локвуд открыл запретную дверь на площадке второго этажа и впустил нас с Джорджем внутрь.

– Моя сестра, – сказал тогда Локвуд. – Это ее комната. Как вы, очевидно, догадались, именно здесь она умерла. А теперь я плотнее закрою дверь, если вы не возражаете.

Он прикрыл дверь. Маленький клинышек солнечного света, добравшегося сюда с лестничной площадки, погас, возникло ощущение, что мы оказались в западне. Мягко щелкнули железные полосы, которыми были обиты края двери. Теперь мы были полностью отрезаны от внешнего мира.

Ни я, ни Джордж ничего не говорили, только тесно жались друг к другу. Все, что мы с ним могли сейчас сделать, так это пытаться прочно устоять на ногах – волны экстрасенсорной энергии обрушились на нас, ослепили, оглушили, придавили к месту. В ушах у меня гудело и ревело.

Я потрянула головой, собралась и заставила себя открыть глаза.

Окно напротив меня было наглухо занавешено, только по краям плотной шторы пробивались тонкие лучики летнего полуденного солнца. Кроме них, во всей комнате больше не было ни единого источника света.

Я хотела сказать – источника естественного света.

А так вообще-то комнату наполняло бледное, жидкое, как вода, и серебристое, как лунный свет, потустороннее сияние.

Его ощущала даже я, как правило, невосприимчивая к сиянию смерти. Обычно, когда Локвуд говорит, что заметил пятно такого свечения, я верю ему на слово. Но на этот раз я все видела своими глазами. Середину комнаты занимала кровать – односпальная, узкая, упирающаяся подголовником в правую от меня стену. Ножки и деревянные торцы кровати были окрашены белой – а может быть, кремовой – краской, голый матрас покрыт светлым покрывалом, в полумраке казавшимся облаком на черном небе. А над ним висел неровный овал, формой и размером напоминавший человеческую фигуру, излучавший бледный холодный свет. Вначале мне показалось, что этот свет не имеет источника, что овал пуст, и только отведя взгляд в сторону, я заметила краешком глаза пятнышко внутри него. Знаете, такие пятнышки появляются в глазах после того, как помотришь на солнце.

Именно этот овал и излучал поток экстрасенсорной энергии, мощный и постоянный. Поэтому неудивительно, что дверь комнаты была изнутри обшита железными полосами, неудивительно, что все стены сверкали от развешанных на них серебряных оберегов. Неудивительно, что весь потолок был увешан серебряными мобилями, которые тихо раскачивались сейчас в потоках воздуха, созданных закрывшейся дверью. Мобили тихо, мелодично перезванивались, и этот звук напоминал далекий детский смех.

– Ее звали Джессика, – сказал Локвуд. Он прошел мимо нас, и я увидела, что он вынимает из кармана темные очки – их он обычно надевал, когда хотел защитить глаза от особенно ярких пятен призрачного света. Он надел очки и продолжил: – Она была на шесть лет старше меня. И ей было пятнадцать, когда это случилось. Прямо здесь.

Локвуд говорил таким тоном, словно это было для него самым обычным делом – стоять с нами в темноте, рассказывать о своей давно умершей сестре перед ее

посмертным свечением и на фоне обрушившегося на нас экстрасенсорного эха того события. Затем Локвуд подошел к кровати и осторожно, чтобы не прикоснуться к светящемуся овалу, приподнял покрывало с лежащего под ним матраса. На матрасе обнаружилось широкое темное пятно, поверхность ткани была обожжена, словно ее облили кислотой.

Я присмотрелась. Это была не кислота. Уж мне-то хорошо известно, как выглядят ожоги от эктоплазмы.

Только сейчас я поняла, что еще сильнее вцепилась в руку Джорджа.

- Я тебе не сделала больно, Джордж? - спросила я.

- Ничего. Не сильнее, чем до этого.

- Хорошо, - но отпустить его я так и не смогла.

- Это случилось давно, - сказал Локвуд. - Мне было тогда всего девять лет. Древняя история, как говорится. Но я решил, что должен рассказать и показать все это вам обоим. В конце концов, вы живете в этом доме.

Я с трудом, но заставила себя заговорить.

- Значит, Джессика, - сказала я.

- Да.

- Твоя сестра.

- Да.

- А как это с ней случилось?

Локвуд опустил покрывало, аккуратно заправил его в щель у подголовника:

- Призрачное прикосновение.

– Призрак? Откуда?

– Из горшка, – нарочито спокойно ответил Локвуд. Темные очки скрывали выражение его глаз. Прочитать что-либо по лицу Локвуда было невозможно. – Ну ты знаешь эти вещицы, оставшиеся от моих родителей. Ритуальные предметы для изгнания злых духов на настенных полках внизу. Родители были исследователями. Изучали мифы и легенды о сверхъестественных явлениях в культурах других народов. Большинство собранных ими предметов – просто мусор. Ритуальные головные уборы и прочая ерунда. Но оказалось, что среди них есть действительно опасные вещицы, способные делать именно то, что им приписывают. В том числе тот горшок. Я полагаю, он был из Индонезии или откуда-то оттуда. Говорят, сестра разбирала артефакты в одном из ящиков. Вынула горшок и... уронила его. Горшок разбился, из него выскочил призрак. И убил ее.

– О, Локвуд, – сказала я. – Мне так жаль...

– Да, спасибо, но это, как я уже сказал, древняя история. Это было давно.

Я не могла ни на чем сосредоточиться, кроме как на словах Локвуда. На них, да еще на яростном потустороннем сиянии. Но тем не менее я смогла рассмотреть, что в комнате помимо кровати есть гардероб и два комода, а еще коробки и ящики, составленные в основном у стены, иногда по три-четыре друг на друга. А еще повсюду стояли вазы и банки с букетами сухой лаванды, ее сладкий, слегка вяжущий аромат наполнял всю комнату. Было так непривычно ощущать этот запах в нашем доме (особенно если вспомнить, что на этой же лестничной площадке находилась спальня Джорджа): он еще больше усиливал ощущение нереальности всего, что сейчас происходило.

Я вновь тряхнула головой. Сестра. У Локвуда была сестра. И она умерла. Прямо здесь, в этой комнате.

– А что случилось с призраком? – спросил Джордж. Его голос тоже прозвучал нарочито спокойно.

– Его уничтожили. – Локвуд подошел к окну и раздвинул тяжелые шторы. На меня обрушился дневной свет, и я на мгновение зажмурилась. Когда я вновь

открыла глаза, вся комната уже была залита солнцем. Теперь я уже не могла видеть висящий над кроватью светящийся овал, почти пропал и экстрасенсорный шум. Впрочем, его присутствие я все еще ощущала – в ушах у меня тихонько потрескивало.

Когда-то эта комната была выдержана в приятных голубых тонах и оклеена детскими обоями, на которых по диагонали тянулись разноцветные воздушные шарики. К висевшей на одной из стен пробковой доске кнопками были приколоты открытки со львами, жирафами и лошадьми, такие же старые картинки с животными украшали и изголовье кровати. Сверху на меня смотрели приклеенные к потолку, пожелтевшие от времени звездочки. Но мое внимание привлекло не все это, а две большие вертикальные черты, прорезавшие сквозь порванные в этом месте обои правую от меня стену. В прорезях виднелась штукатурка. Это были следы от ударов рапирой. В одном месте прорезь была такой глубокой, что прошла сквозь слой штукатурки до самой кирпичной кладки стены.

Локвуд стоял у окна, глядя на глухую торцевую стену дома напротив. На подоконнике лежали сухие семена лаванды, осыпавшиеся из стоявших здесь в вазочках букетов. Локвуд смахнул их пальцем в сложенную лодочкой ладонь.

А со мной тем временем начиналось что-то вроде истерики. Мне хотелось одновременно плакать, и безудержно хохотать, и кричать на Локвуда...

Но я сдержалась и вместо этого тихо спросила:

– Какой она была?

– Э... трудно сказать. Она была моей сестрой. Конечно же я любил ее. Когда-нибудь найду вам ее фотографию. По-моему, есть одна где-то там, в ящике комода. Я сложил туда все вещи Джессики. Хотел как-нибудь разобрать их, но никогда не хватает на это времени. Столько дел... – Локвуд прислонился к оконной раме, его силуэт четко обрисовался на фоне яркого солнечного света. Потом он добавил, осторожно перекатывая в ладони сухие семена: – Она была высокой, темноволосой, думаю, что у нее был сильный характер. Пару раз, Люси, когда я видел тебя боковым зрением, мне почти показалось, что... Но на самом деле ты на нее совсем не похожа. Она была очень мягкой. И доброй.

– А вот теперь ты, пожалуй, налегла на меня слишком сильно, – заметил Джордж.

– Прости, – я заставила себя убрать ладонь с руки Джорджа.

– И ты прости, Люси, – сказал Локвуд. – Я сморозил глупость. На самом деле я хотел сказать, что...

– Все в порядке, – перебила я его. – Начнем с того, что я не должна была ни о чем расспрашивать... Наверное, тебе очень трудно говорить об этом. Мы понимаем. И никогда больше не станем задавать тебе ненужных вопросов.

– Кстати о вопросах, – сказал Джордж. – Тот горшок. Расскажи мне о нем. Каким образом можно было держать в нем Гостя взаперти? Сама по себе керамика с такой задачей справиться не может. Наверное, горшок был выложен изнутри железом. Или серебром. А может, там применили что-то такое, что нам еще не известно... Ой! – вскрикнул Джордж, когда я исподтишка лягнула его. – За что?!

– Чтобы ты наконец заткнулся.

– А что такого? – заморгал он сквозь стекла своих очков. – Интересно же.

– Мы говорим о его сестре, а не о каком-то проклятом горшке!

– Он сам сказал, что это древняя история. – Джордж ткнул пальцем в сторону Локвуда.

– Да, сказал, но ясно как день, что соврал. Посмотри на это место! На эту комнату и все, что в ней! Здесь все так, словно это произошло только вчера.

– Да, но он сам привел нас сюда. Ему хочется поговорить об этом. Я имел в виду, что и о горшке тоже.

– Угомонись, Джордж! Это не имеет ничего общего с твоими дурацкими экспериментами. Здесь дела семейные. У тебя вообще есть совесть или нет?

- Побольше, чем у тебя. Мне совершенно ясно, что Локвуду хочется обсудить все это. После стольких лет эмоциональной изоляции он готов поделиться с нами...

- Может быть, однако, он такой ранимый и чувствительный, что...

- Эй, между прочим, я все еще здесь, - сказал Локвуд. - Никуда не вышел и не испарился.

Наступило неловкое молчание. Мы с Джорджем отцепились друг от друга и теперь оба смотрели на Локвуда, а он тем временем продолжил:

- Истина заключается в том, что вы оба правы. Я действительно хочу поговорить об этом, как и сказал Джордж. Но мне это очень нелегко сделать, как справедливо заметила Люси. - Локвуд вздохнул. - Да, Джордж, я тоже думаю, что тот горшок был выложен изнутри железом. Однако он разбился. Точка. И давай хватит об этом.

- Локвуд, - сказала я, глядя в сторону кровати. - Только один вопрос. Она не...

- Нет.

- Никогда-никогда?

- Нет.

- Но свечение...

- Она никогда не возвращалась, - отрезал Локвуд. Он пересыпал сухие семена в стоящую на подоконнике вазу и отряхнул ладони. - Знаешь, в первое время я почти надеялся, что она вернется. Я часто заходил сюда, думал увидеть ее стоящей у окна. Долгое время ждал, глядя на свечение, надеялся увидеть ее силуэт или услышать ее голос... - Он печально улыбнулся. - Но никогда ничего не случилось. - Он посмотрел в сторону кровати сквозь свои темные очки и продолжил: - В любом случае это было давно. А потом я понял, что постоянно болтаться здесь вредно для здоровья. А еще позднее, узнав о посмертном свечении гораздо больше, я начал опасаться ее возвращения ничуть не меньше, чем хотеть его. Поэтому я прекратил ходить сюда и поставил лаванду, чтобы...

не было сюрпризов.

– Железо было бы надежнее, – заметил Джордж. В этом он весь, наш Джордж – бесцеремонный, ухватывающий суть проблемы быстрее любого из нас. – А железа я здесь не вижу. Ну, если не считать двери.

Я посмотрела на Локвуда. Плечи у него напряглись, и на секунду мне показалось, что он сильно разгневан. Но он спокойно ответил:

– Да, ты прав, Джордж. Разумеется, железо надежнее. Но Джессика для меня не рядовой Гость, она моя сестра. Даже если она вернется, я не смогу применить против нее железо.

На это никто из нас ничего не сказал.

– Забавно, но она очень любила запах лаванды, – негромко добавил Локвуд. – Знаете тот хилый кустик у нас за домом, рядом с мусорными баками? Когда я был еще совсем маленьким, она любила сидеть под ним вместе со мной, и мы оба плели венки из лаванды.

Я посмотрела на вазы со стоящими в них поблекшими пурпурными цветками. Значит, они были не только защитой, но еще и чем-то вроде знака внимания.

– Впрочем, лаванда тоже средство неплохое, – сказал Джордж. – Фло Боунс божилась.

– Фло Боунс всегда божится на чем свет стоит, – заметила я.

Мы все дружно рассмеялись, хотя эта комната была неподходящим местом для смеха. Но и для слез она тоже была неподходящим местом, и для гнева тоже, да и ни для чего другого, кроме одного – торжественной тишины. В этой комнате тебя не покидало ощущение, что здесь только что кто-то был, а потом вышел, но оставил после себя свой незримый след. Такое бывает иногда где-нибудь в долине, когда кто-нибудь громко и весело крикнет, а потом этот звук затихающим эхом еще долго-долго носится среди окрестных холмов. А потом эхо умолкнет, и ты стоишь там же, где стоял, только это место стало почему-то совершенно другим.

После этого мы никогда не возвращались в ту комнату. Она была особым местом, и мы с Джорджем оставили ее в покое. И сам Локвуд ни разу больше не возвращался к разговору о своей сестре и не нашел ее фотографию, как обещал. О своих родителях он тоже ничего не рассказывал, упомянул только как-то раз, что особняк на Портленд-Роу, 35, достался ему по их завещанию. Таким образом, нам стало понятно, что и родители Локвуда тоже умерли, правда, неизвестно, при каких обстоятельствах. Но в целом и они, и Джессика оставались для нас загадкой, и связанные с молчаливой комнатой вопросы продолжали нарастать как снежный ком.

Конечно, я заставляла себя не мучиться этими вопросами и удовлетвориться тем, что уже смогла узнать. В любом случае, после того разговора я почувствовала себя еще ближе к Локвуду, чем прежде. Даже то небольшое, что я узнала о его прошлом, было своего рода привилегией, проявлением доверия с его стороны. А сознание того, что Локвуд мне доверяет, в свою очередь согревало меня в напряженные моменты жизни, такие, как сейчас, например, когда мы с ним мчим на ночном такси по пустынным улицам Лондона. Кто знает, может быть, в одну из ночей, когда мы будем работать вместе, он вновь приоткроется и расскажет мне еще больше о себе и своем прошлом...

Машина резко затормозила. Мы с Локвудом по инерции качнулись вперед. Улица перед нами оказалась запруженной людьми.

Шофер негромко выругался, а затем сказал:

- Прошу прощения, мистер Локвуд, дорога перекрыта. Агенты теперь повсюду.

- Нет проблем, - ответил Локвуд, берясь за ручку дверцы. - Это как раз то, что мне нужно.

Прежде чем я успела отреагировать, прежде чем такси полностью остановилось, он уже успел выскочить и теперь шел по улице.

Наш путь в Уайтчепел лежал через центр города. Сейчас мы были на Трафальгарской площади. Выбравшись из такси, я увидела собравшуюся у подножия колонны Нельсона толпу, освещенную ослепительно-белыми лучами многочисленных призраков-ламп. Это были обычные горожане – редкая картина после наступления темноты. Некоторые из них держали в руках плакаты. С самодельной трибуны, сменяя друг друга, выступали ораторы. О чем они говорили, я не разобрала, да и не прислушивалась. С внешней стороны на некотором отдалении толпу окружали полицейские и офицеры из ДЕПИК. Перед ними, частично сливаясь с толпой, стояло множество агентов-парапсихологов: очевидно, они охраняли горожан от возможного появления Гостей. Агенты-оперативники были в разноцветных форменных куртках, по которым легко можно было понять, откуда они. Здесь виднелись серебристые куртки сотрудников агентства «Фиттис», темно-красные («Ротвелл»), канареечно-желтые («Тэмуорт»), зеленые («Гримбл») и еще много разных. Сбоку был припаркован фургон ДЕПИК, в котором раздавали горячий чай и кофе. Неподалеку от него стояло еще много фургонов и такси.

Локвуд стремительно пересек площадь. Я поспешила за ним.

Я не знаю, как правильно назвать большую группу парапсихологов-оперативников, – может быть, стайей. Или сворой. Короче говоря, такие разноцветные кучки оперативников стояли, с неприязнью поглядывая на своих конкурентов, нарочито громко переговариваясь друг с другом и натужно смеясь. Самые маленькие из них – дети лет семи-восьми – пили чай и строили друг другу рожицы. Агенты постарше переминались с ноги на ногу, переходили с места на место, показывали неприличные жесты соперникам прямо под носом у своих взрослых руководителей. Руководители же делали вид, что ничего не замечают. Агенты горделиво выпячивали грудь и поблескивали в свете призраков-ламп своими рапирами. Воздух трещал от переполнявшей его ненависти и презрения друг к другу.

Мы с Локвудом пробрались сквозь толпу к тому месту, где стояла знакомая фигура, угрюмо наблюдавшая за происходящим. Как обычно, инспектор Монтегю Барнс был в изжеванном плаще, неприметном костюме и коричневой замшевой шляпе-котелке. Необычно было видеть лишь дымящийся пластиковый стаканчик с оранжевым супом у него в руке. Инспектор выглядел уставшим, седые усы на его измученном лице повисли, как двадохлых хомяка.

Барнс служил в ДЕПИК – Департаменте парапсихологических исследований и контроля. Эта правительственная организация следила за деятельностью агентств и в таких случаях, как нынешний, собирала их для совместной работы. Барнс не отличался ни доброжелательностью, ни большим умом, но был работником старательным, упорным и, насколько мне известно, неподкупным.

Рядом с Барнсом стоял маленький человечек в роскошной расстегнутой бархатной куртке агентства «Фиттис». Его начищенные башмаки сверкали, брюки были отутюжены, из-под куртки выглядывал серебристый фирменный жакет – мягкий, как тигровая шкура. У бедра человечка, на украшенном драгоценными камнями поясе, висела дорогая рапира, его руки обтягивали лайковые перчатки. Щеголь, одним словом. К великому моему сожалению, под всем этим великолепием скрывалось тело Квилла Киппса, поэтому общее впечатление от этой картины для меня было однозначным: крыса в вазочке с черной икрой.

Киппс был рыжим, щедедушным и безмерно самовлюбленным. По ряду причин, среди которых не последнее место занимал тот факт, что мы не раз высказывали Киппсу прямо в лицо все, что о нем думаем, он давно терпеть не мог агентство «Локвуд и компания» в целом и каждого его работника в частности. Став руководителем группы в агентстве «Фиттис» – одним из самых молодых во всей этой компании, – он регулярно работал на ДЕПИК и был любимчиком Барнса. Сейчас Киппс зачитывал что-то Барнсу из своей папки с кольцами для крепления файлов.

– ...сорок восемь случаев появления призраков Первого типа за одну только вчерашнюю ночь в зараженной зоне Челси, – услышали мы, подойдя ближе. – и, если верить донесениям, семнадцать призраков Второго типа. Концентрация Гостей растет.

– Сколько смертельных случаев на данный момент? – спросил Барнс.

– Восемь, включая троих бродяг. Как и прежде, Телепаты отмечают опасный уровень экстрасенсорного фона, но его происхождение до сих пор непонятно.

– Хорошо. Как только закончится эта демонстрация, отправимся в Челси. Я хочу, чтобы агенты разошлись по четырем секторам с прикрепленными к ним группами Телепатов, и... Проклятье! – Это Барнс заметил нас с Локвудом. –

Погоди минутку, Киппс.

– Добрый вечер, инспектор, – широко улыбаясь, поздоровался Локвуд. – А, это ты, Киппс. Привет.

– Их же нет в списке, правильно? – сказал Киппс. – Хотите, я вышвырну их отсюда?

Барнс отрицательно покачал головой и отхлебнул супа.

– Локвуд, мисс Карлайл, – сказал он. – Чем обязан удовольствию видеть вас?

Радости в голосе Барнса было не больше, чем если бы он выступал на похоронах собственной матери. Особенно выразительно у него прозвучало слово «удовольствие». Нет, он не то чтобы ненавидел нас – мы слишком часто помогали ему, чтобы испытывать к нам такие чувства, – но иногда и раздражения, даже мягкого, хватает весьма надолго.

– Мы просто проезжали мимо, – сказал Локвуд, – вот и решили подойти поздороваться. Я гляжу, у вас здесь большой сбор. Почти все лондонские агентства прибыли, – улыбка Локвуда стала еще шире. – А заодно решил поинтересоваться, не забыли ли вы прислать приглашение и нам.

Барнс внимательно посмотрел на нас. Пар из стаканчика с супом клубился вокруг его усов словно туман в каком-нибудь китайском бамбуковом лесу. Инспектор сделал еще глоток и коротко ответил:

– Нет.

– Хороший суп? – после небольшой паузы поинтересовался Локвуд. – Какой?

– Томатный, – сказал Барнс и заглянул в свой стаканчик. – А в чем, собственно, дело? Что вам не нравится в моем супе?

– Да нет, все нравится, на вид очень мило... Особенно вон тот кусочек, что прилип к вашим усам. Могу я узнать, почему ДЕПИК не включил агентство «Локвуд и компания» в свою операцию в Челси? Если вторжение настолько

серьезное, почему вы отказываетесь от нашей помощи?

– Не нахожу нужным, – насупился Барнс, глядя поверх наших голов на собравшуюся у колонны Нельсона толпу. – Даже если речь пойдет о кризисе в масштабах всей страны, положение нашего департамента не настолько безнадежно, чтобы привлекать еще и вас. Оглянитесь вокруг. Видите, сколько агентов здесь и без вас? Квалифицированных, между прочим.

Я оглянулась. Некоторые из стоявших неподалеку оперативников были мне знакомы – ребята с хорошей репутацией. Другие послабее. У подножия пьедестала памятника под руководством непомерно толстого мужчины выстраивалась колонна бледных девочек в куртках горчичного цвета. По трясущемуся двойному подбородку, круглому арбузному животу и неохватному задку я узнала мистера Адама Банчерча, владельца одноименного второсортного агентства.

– Согласен, народу много, – нахмурился Локвуд. – А вот что касается качества... – Он наклонился ближе к Барнсу и добавил: – Банчерч? Ну я вас умоляю!

Помешивая суп пластиковой ложечкой, Барнс ответил:

– Я не отрицаю ваших талантов, мистер Локвуд. Одна ваша белоснежная улыбка чего стоит. В случае необходимости с ее помощью можно освещать самые темные аллеи. Но сколько человек в вашем агентстве? По-прежнему трое, верно? И один из них – Джордж Каббинс. Вы и мисс Карлайл, безусловно, способные оперативники, однако, простите, втроем вы мне погоды не сделаете, – он постучал ложечкой о край стаканчика и передал ее Киппсу. – Операция в Челси очень масштабная. Вторжение призраков охватило большую территорию. Тени, Спектры, Рейзы, Луркеры – их появляется все больше, и никто не может понять, где эпицентр всего этого. Под наблюдение взяты сотни домов, приходится эвакуировать целые улицы... Жители крайне недовольны происходящим, отсюда и сегодняшняя ночная демонстрация. Для решения этой проблемы ДЕПИК требуется много агентов, причем умеющих делать то, что им говорят. Вот две веские причины, по которым я не могу задействовать вас в этой операции. – Он отхлебнул из стаканчика и выругался: – Черт! Горячо!

– Ты бы подул ему на суп, что ли, Киппс, – сказал Локвуд. У него лицо потемнело, пока он выслушивал монолог Барнса. – Ладно, удачного вечера, инспектор.

Позовите нас, когда зайдете в тупик.

Мы развернулись и направились назад к ожидавшему нас такси.

- Локвуд! Погоди!

Это был Киппс, он семенил следом за нами со своей дурацкой папкой под мышкой.

- Чем могу служить? - холодно спросил Локвуд, держа руки глубоко в карманах.

- Я не хочу собачиться с вами, хотя, если честно, мог бы, - сказал Киппс. - Я собираюсь дать вам совет - в основном Люси, поскольку знаю, что ты меня слушать не станешь.

- Мне твои советы тоже не нужны, - заметила я.

- А ты все же послушай, - криво усмехнулся он. - Вы же ничего не знаете. А между тем здесь, в Челси, творятся жуткие вещи. Столько Гостей сразу я в жизни не видел. Причем самых разных типов, вперемешку, в том числе и очень опасных. Такое впечатление, что кто-то разворошил призрачный муравейник. Моя команда три ночи подряд патрулировала один и тот же переулок позади Кингс Роуд. Первые две ночи - ничего. А на третью на нас из темноты вышли Сырые Кости. Призрак появился почти рядом с Кэт Годвин и Недом Шоу. Представляете - Сырые Кости! Ниоткуда. Барнс понятия не имеет, что происходит. И никто не понимает.

- Я предложил свою помощь, - пожал плечами Локвуд. - От нее отказались.

- Конечно отказались, - провел рукой по своим коротко стриженным волосам Киппс. - Потому что вы никто. Ну, что у вас сегодня ночью? Какой-нибудь пустяковый случай, я полагаю. Вот ваш уровень.

- У нас призрак, который наводит ужас на обычных людей, - ответил Локвуд. - Это пустяк? Я так не считаю.

– Да, конечно, – кивнул Киппс. – Но для того чтобы принимать участие в серьезных расследованиях, тебе нужно работать в настоящем агентстве. Каждый из вас легко мог бы неплохо устроиться у нас в «Фиттис», например. Лично я готов взять Люси в свою команду хоть завтра. Я уже говорил ей об этом, и мое предложение остается в силе.

– И ты уже слышал мой ответ, – сказала я, глядя прямо в ему глаза.

– Как знаешь, – пожал плечами Киппс. – Но еще раз советую: смири свою гордыню и решайся. В противном случае будешь просто попусту тратить свое время.

Киппс кивнул мне и отправился назад к Барнсу.

– Наглец, – сказал Локвуд. – Наговорил, как всегда, массу всякой чуши.

Чушь это была или нет, но после этого Локвуд замкнулся и сидел в такси молча, предоставив мне самой напомнить шоферу нужный нам адрес – дом номер шесть по Нельсон-стрит, Уайтчепел, где нас ожидала Гостья в вуали, и взять на себя переговоры с клиенткой.

Дом номер шесть стоял на узкой улочке. Наша клиентка, миссис Петерс, уже ждала нас – дверь распахнулась до того, как я успела позвонить. Миссис Петерс оказалась молодой, заметно нервничавшей женщиной с рано поседевшими от забот волосами. На голове и плечах у нее была толстая шаль, затянутой в перчатку рукой миссис Петерс сжимала большое деревянное распятие.

– Она там? – прошептала миссис Петерс. – Там, наверху?

– Откуда мне знать? – ответила я. – Мы еще даже в дом не вошли.

– Ее видно с улицы! Мальчики сказали, что ее можно увидеть с улицы, – чуть слышно выдохнула наша клиентка.

Ни мне, ни Локвуду и в голову не пришло осмотреть дом снаружи. Мы отошли на пустынную мостовую и задрали головы, рассматривая два окна на втором этаже.

Одно окно, прямо над дверью, было освещено. Видневшаяся сквозь стекло керамическая плитка говорила о том, что это окно ванной комнаты. Второе окно было темным и, в отличие от обычных окон, не отражало даже свет уличного фонаря, горевшего возле соседнего дома.

Это окно выглядело как непроницаемо черная дыра в бесконечность. А внимательно присмотревшись, в стекле можно было заметить женский силуэт. Снаружи казалось, что женщина стоит прямо у окна, повернувшись спиной к улице. Постаравшись, можно было разглядеть даже ее черное платье и длинные пряди темных волос.

Мы с Локвудом вернулись к двери. Я прокашлялась и сказала:

– Да, она там.

– Вам не о чем волноваться, – успокоил Локвуд хозяйку, когда мы проходили мимо нее в узкий холл. Затем блеснул своей включенной на половину мощности вселяющей уверенность улыбкой и добавил: – Мы поднимемся наверх и посмотрим.

– Надеюсь, вы понимаете, почему я не могу спокойно спать, мистер Локвуд? – всхлипнула миссис Петерс. – Теперь вы понимаете, правда?

Глаза у нее были как две испуганные луны. Затем она пошла следом за Локвудом, выставив перед своим лицом как карнавальную маску деревянное распятие, и едва не расквасила им Локвуду нос, когда он неожиданно обернулся.

– Миссис Петерс, – сказал он, осторожно отводя распятие, – вы можете сделать для нас одну вещь? Очень важную.

– Да?

– Пройдите, пожалуйста, на кухню и поставьте чайник. Это вы сможете сделать?

– Разумеется. Да-да, конечно смогу.

– Великолепно. Заварите нам по чашке чая. Наверх их не приносите. Мы сами спустимся вниз, когда закончим. Надеюсь, чай к тому времени еще не успеет остыть.

Еще одна улыбка, легкое пожатие руки, и мы – уже вдвоем с Локвудом – направились вверх по узкой лестнице, шаркая о стену своими сумками.

Строго говоря, лестничной площадки на втором этаже не было – просто расширенная верхняя ступенька. Три двери: одна в ванную, вторая в спальню на задней стороне дома и третья в спальню, выходящую на улицу. В эту третью дверь было вколочено не менее полсотни тяжелых железных гвоздей, с которых свисали металлические цепочки и пучки лаванды. Саму дверь за всем этим было почти не видно.

– Любопытно, – пробормотала я.

– Да уж, рисковать наша хозяйка не любит, – согласился Локвуд. – О, да она еще и псалмы поет! Впрочем, этого следовало ожидать.

Снизу послышался звук открываемой двери, спешащие на кухню шаги, а затем отрывок псалма, пропетого слабеньким дрожащим голосом.

– Не уверена, что псалмы могут здесь помочь, – сказала я, проверяя свой рабочий пояс и доставая рапиру. – И распятие тоже. Оно совершенно бесполезно, если сделано не из железа или серебра, а из дерева.

Локвуд достал из своей сумки тонкую железную цепь и взял ее на изготовку. Он стоял сейчас так близко, что касался меня.

– Такие вещи если и не помогают, то хотя бы успокаивают, – сказал он. – Среди вещей, которые собирали мои родители, таких больше половины. Помнишь тамбури из костей и павлиньих перьев в библиотеке? Оберег против злых духов с острова Бали. В нем нет ни грамма железа или серебра... Так, ладно, хватит болтать. Мы готовы?

Я улыбнулась ему. За дверью нас ждал ужас. Спустя несколько секунд я встретилась с ним. Но при этом мое сердце пело от радости, от того, что я стою в

этом доме рука об руку с Локвудом. Если честно, мне в этом мире больше ничего не нужно.

- Готовы, - сказала я. - И мне уже не терпится выпить горячего крепкого чая.

Я закрыла глаза и мысленно сосчитала до шести, готовя их к переходу из света в темноту. Затем открыла дверь и вошла в комнату.

За барьером из гвоздей и лаванды было так холодно, будто кто-то оставил на всю ночь открытой дверцу холодильника. Локвуд закрыл за нами дверь, и мы оказались в темноте - было такое ощущение, что тебя с головой опустили в чернила. Ни отблеска уличного света на потолке - непроглядная тьма.

При этом занавесок на окне не было, перед нами чернел голый прямоугольник стекла.

И внутри этого стекла было нечто, не пропускавшее ни единого лучика света.

Кроме того, что было ужасно холодно и темно, в комнате кто-то плакал. Это был жуткий звук, тоскливый, но при этом вкрадчивый, и он отдавался странным эхо, словно звучал не в маленькой комнате, а в каком-то огромном пустом пространстве.

- Локвуд, - прошептала я, - ты где?

Я почувствовала легкий дружеский толчок в бок.

- Рядом с тобой, - ответил Локвуд. - Черт, как холодно! Нужно было перчатки надеть.

- Я слышу плач.

- Она в окне. Внутри стекла. Ты ее видишь?

- Нет.

- Не видишь ее скрюченных, готовых схватить пальцев?

- Нет. И, пожалуйста, не нужно мне их описывать...

- Хорошо, что я лишен воображения, иначе мне сегодня снились бы кошмары. На ней кружевное серое платье и что-то вроде вуали на лице. В одной руке она держит какое-то письмо, оно испачкано чем-то темным - не знаю, кровь это или просто слезы. Она прижимает письмо к груди своими когтистыми иссохшими пальцами... Ну вот что, сейчас я разложу цепь. По-моему, самое лучшее, что мы можем сделать, - это разбить стекло. Разбить, собрать все осколки и отправить их на сжигание. - Голос Локвуда звучал спокойно и ровно, я слышала, как он позвякивает цепью.

- погоди, Локвуд.

Я стояла, ничего не видя, чувствуя лишь прикосновение морозного воздуха к лицу, сосредоточилась и открыла свои уши и сознание навстречу более тонким, потаенным вещам. Плач стал чуточку тише, а затем я уловила чуть слышный шепот и такое же едва ощутимое дыхание:

- Спрятала...

- Что? - спросила я. - Что ты спрятала?

- Люси, - сказал Локвуд. - Ты не видишь того, что вижу я. Ты не должна разговаривать с этой тварью. Это плохо кончится.

Локвуд взял меня под локоть и потянул вперед за собой. Я вошла в выложенный из цепи круг, шепот тут же оборвался, на секунду вернулся и вновь исчез.

- Убери цепь, - потребовала я. - Мне не слышно.

- Спрятала, спрятала...

- Люси...

- Тише.

– Я его спрятала...

– Где оно? – спросила я. – Где?

– Там.

Я повернулась, чтобы посмотреть, и мое Зрение сфокусировалось. Краешком глаза я увидела контур окна, а в нем фигуру чернее темноты. Длинные волосы, сгорбленные плечи, странным образом поднятые над головой руки, скрюченные то ли в безумном танце, то ли в ходе какого-то жуткого колдовского обряда. Неестественно длинные пальцы, казалось, тянутся ко мне через всю комнату. Я вскрикнула. Почувствовала, как стоявший рядом со мной Локвуд ринулся вперед, взмахнув своей рапирой. Длинные пальцы обломились, из каждого обрубка вырвался луч потустороннего света, и эти лучи разлетелись в стороны, словно переломленные в призме.

Мои уши разорвал дикий вопль. Затем раздался хруст разбитого стекла. И наступила блаженная тишина.

Мои барабанные перепонки распрямились, висевшее в комнате напряжение разрядилось. Сквозь разбитое окно в комнату проник розовый свет уличных фонарей с Нельсон-стрит, осветив стоящие в комнате предметы. Какой же маленькой оказалась при свете эта комната, казавшаяся до этого огромным пустым пространством! Обычная спальня с детской двухъярусной кроватью и несколькими стульями. Да еще с темным гардеробом, стоявшим у меня за спиной. Из-под двери в спальню потекли струйки теплого воздуха – как приятно было чувствовать их прикосновение к моим замерзшим лодыжкам! Локвуд стоял впереди меня с рапирой в вытянутой руке. Сквозь разбитое окно на улицу свисала железная цепь. В доме напротив светились огни. Из оконной рамы как зубы торчали осколки стекла.

Локвуд обернулся ко мне, тяжело дыша и пристально глядя на меня. Один глаз у него закрывала свалившаяся на лоб непослушная прядь темных волос.

– С тобой все в порядке? – спросил он.

– Разумеется, – ответила я и перевела взгляд на гардероб. – А что со мной могло случиться?

– Она напала на тебя, Люси. Ты бы видела ее лицо, когда с него сдуло вуаль.

– Нет-нет, – сказала я. – Все в порядке, она просто показала мне, где оно.

– Что оно?

– Не знаю. Мне трудно соображать. Помолчи, пожалуйста.

Я отодвинула Локвуда в сторону и направилась к гардеробу. Он был большой и старый. Дерево, из которого был сделан этот бегемот, потемнело от времени, казалось почти черным. Дверцы гардероба были украшены резьбой, изящной и аккуратной, как это было принято в старину. Я потянула дверцу гардероба, и она со скрипом отворилась. Внутри висели детские вещи, посыпанные белым порошком от моли. Я посмотрела на одежду, фыркнула и решительно отодвинула вешалки в сторону. Пол гардероба был сделан из цельного куска древесины. Если посмотреть со стороны, он поднимался над нижним краем гардероба почти на тридцать сантиметров. Я вытащила из кармашка рабочего пояса перочинный нож.

Над моим плечом наклонился Локвуд.

– Люси, ты что... – начал он.

– Страшила в вуали показала мне место, где она что-то спрятала, – пробормотала я. – И мне кажется... Ага, есть!

Я догадалась вставить лезвие ножа в щель между полом гардероба и его задней стенкой, затем нажала, и панель пошла вверх. Поднимаясь, она сбила на пол одежду с половины вешалок, но дело было сделано. Я убрала нож и достала вместо него фонарик.

– Вот оно, – сказала я. – Видишь?

Он лежал внутри пустой полости – пыльный, сложенный в несколько раз лист бумаги, скрепленный восковой печатью. На бумаге виднелись темные пятна. Может, кровь, может, слезы.

– Она показывала мне, где оно, – повторила я. – Тебе не стоило волноваться.

Локвуд кивнул, но лицо у него оставалось задумчивым. Он пристально посмотрел на меня и сказал:

– Возможно... – И вдруг весело, широко улыбнулся: – Больше всего меня утешает то, что чай, наверное, еще не успел остыть. Интересно, печенье к нему она догадается подать?

Мне хотелось петь от счастья. Моя интуиция меня не подвела. Мне хватило всего лишь нескольких секунд, чтобы вступить в контакт с призраком и понять его намерения. Что ж, Локвуд способен видеть Явления, но я могу заглянуть еще глубже. Я могу находить спрятанные вещи. Иными словами, Источники. Локвуд придержал дверцу гардероба, и я вылезла наружу. Улыбнулась Локвуду, сжала ему руку. Когда мы вышли на лестничную площадку, снизу до нас долетел дребезжащий голос миссис Петерс – она все еще продолжала распевать псалмы у себя на кухне.

7

Выяснилось, что письмо, которое мы нашли, было признанием призрака – точнее, признанием некоей Арабеллы Кроули, написанным в 1837 году, что совпадало с покроем платья на женщине с вуалью. В письме она признавалась в том, что задушила своего спящего мужа, но, судя по всему, ей наказания удалось избежать. Нераскаянная вина заставила дух миссис Кроули восстать из мертвых, но теперь, когда письмо найдено и ее вина стала известна, она уже вряд ли вернется сюда.

Во всяком случае, я представляла все себе именно так. Узнать об этом случае более подробно Локвуд мне шансов не оставил, он тем же утром отправил осколки разбитого стекла на сожжение в Кленкервелл и убедил миссис Петерс в том, что спокойствия ради лучше сжечь и гардероб тоже. К моему неудовольствию, Локвуд вновь строго-настрого запретил мне пытаться вступить

в контакт с призраками, если те полностью не заблокированы. Разумеется, я понимала, почему он так волнуется – на него давили воспоминания о печальной судьбе его сестры, но, по-моему, он преувеличивал риск. Я все больше убеждалась в том, что мой Дар сможет помочь мне обойти возможные в подобных случаях затруднения.

На протяжении следующих нескольких дней мы быстро и успешно завершили еще целый ряд дел. На эти задания Локвуд, Джордж и я выходили поодиночке.

Такой режим работы создавал ряд проблем. Главная из них заключалась в том, что при таком плотном графике у нас совершенно не оставалось времени, чтобы проводить предварительные расследования, а это, должна я вам сказать, довольно рискованно. В результате в одну из ночей Локвуд едва-едва смог избежать призрачного прикосновения в церкви возле Олд-стрит. Он загнал своего призрака – это оказался Фантазм – за алтарь и едва не проморгал второго Гостя, появившегося прямо у него за спиной. Если бы у него было время, Локвуд наверняка выяснил бы заранее, что в этой церкви орудуют призраки убитых братьев-близнецов.

Сильно сказывалась и усталость. Возле шлюза Уайтчепел Лок Джордж позволил Луркеру, которого из-за переутомления не заметил, загнать себя в угол и смог спастись, только нырнув вниз головой в канал. А я вообще заснула на своем посту во время расследования в пекарне и пропустила появление обугленного призрака, вылезшего из печи. Я проснулась только от запаха горелого мяса в тот самый момент, когда Гость своими почерневшими пальцами уже почти коснулся моего лица. Добавлю, что за этой сценой с огромным интересом наблюдал шепчущий череп. Он видел все и откровенно забавлялся, но даже и не подумал разбудить меня, мерзавец.

Все эти случаи очень беспокоили Локвуда, он считал, что это говорит о том, что мы в самом деле слишком заработались. Локвуд, конечно, был прав на все сто, однако меня сейчас больше всего устраивала свобода, которую дает работа в одиночку. Каждую ночь, выходя на задание, я ждала случая вступить в полноценный контакт с призраком – и прошло совсем немного времени, когда такая возможность мне представилась.

Я отправилась на вызов к семье, жившей в квартире 21 (южное крыло) многоквартирного дома Бермуда Корт, в Уайтчепеле. Этот многоэтажный дом достался мне, как вы, возможно, помните, по нашему правилу «чур». Вызов

дважды переносился из-за болезни клиента, вполне мог перенестись и в третий раз – теперь уже из-за меня, потому что я уже купила билет на поезд, чтобы навестить родных. Мать и сестер я не видела уже полтора года – с того момента, как перебралась в Лондон. Локвуд настоял на том, чтобы я взяла на недельку отпуск, и хотя предстоящая поездка домой вызывала у меня, честно признаюсь, смешанные чувства, я не стала бы откладывать ее ради того, чтобы тащиться на работу, где, возможно, придется, кроме всего прочего, долго карабкаться вверх по лестницам.

Но позвонил мой клиент, и я согласилась к нему приехать. Встречу мы назначили прямо в ночь накануне моего отъезда. У Локвуда и Джорджа были в тот день свои задания, поэтому я отправилась в Бермуда Корт одна. Впрочем, нет, простите, не одна. С черепом. Какая-никакая, а все же компания. А если будет слишком много болтать, всегда можно закрыть клапан на крышке.

Бермуда Корт оказался большим унылым бетонным муравейником, которые строили в Лондоне сразу после войны. Он состоял из четырех блоков, внутри которых располагался заросший травой внутренний дворик. В каждом блоке были внешние лестницы с переходами поперек стен – эти переходы частично защищали дом от непогоды, а заодно постоянно отбрасывали тень на окна и двери квартир. Бетонные стены были шершавыми, уродливыми, потемневшими от дождя.

Как я и опасалась, лифта в доме не было, поэтому, хотя квартира 21 находилась «всего» на пятом этаже, я добралась туда высунув язык. Рюкзак, в котором, помимо всего прочего, была еще и банка с черепом, буквально пригибал меня к земле. Я думала, что он меня доконает.

На улице было уже почти темно. Я тяжело перевела дыхание и позвонила в дверь.

– По-моему, ты сегодня не в форме, подруга? – шепнул череп мне в ухо.

– Заткнись. Я в полном порядке.

– Пыхтишь как паровоз. Тебе бы надо вес слегка согнать, что ли. Хотя бы тот жирок на бедрах, о котором то и дело распространяется Локвуд.

– Что? Да не может он...

В этот момент клиент открыл дверь. Точнее сказать, клиенты. Их было пятеро – сухопарая сидящая мать, молчаливый, крупный, со слегка покатыми плечами отец и трое ребятишек, самому старшему из которых было не больше шести лет. Они жили в этой пятикомнатной квартире с маленьким холлом. До недавнего времени здесь был еще один жилец, дедушка ребятишек. Но он умер.

Я слегка удивилась, когда меня пригласили не в гостиную, где обычно проходят щекотливые переговоры клиентов с агентами, а на кухню – тесную, расположенную в дальнем конце холла. Туда забились все, и я оказалась так тесно прижатой к плите, что за время нашего разговора своим задом дважды случайно нажимала на кнопку зажигания.

Мать извинилась за то, что они принимают меня в столь неудобной обстановке. Она сказала, что у них есть гостиная, но теперь после наступления темноты они туда не заходят. Почему? Потому что там появляется призрак дедушки. После смерти дедушки дети видели его каждую ночь. Он сидел в своем любимом кресле. Что он делал? Да ничего, просто сидел. А до этого, когда был еще жив? Тоже почти все время сидел в том же самом кресле. И умирал в нем, угасал от болезни, но лечиться отказывался. Перед самым концом стал ужасно тощим, одни кости да кожа. Казалось, его тогда ветром могло сдуть.

Знают ли они, почему он вернулся? Нет. Могут ли предположить, что ему нужно? Тоже нет. А каким он был при жизни? Здесь они замолчали, неловко заерзали, и это молчание сказало мне о многом. Наконец отец семейства сказал, что дедушка был «трудным человеком», очень прижимистым, когда речь шла о деньгах. Мать добавила, что дедушка был не просто прижимистым, но жестким и алчным. По ее словам, он мог бы всех их продать дьяволу, если бы тот предложил ему хорошую сумму. Как ни печально это говорить, но мне было ясно: они очень рады, что дедушка умер.

Правда, не совсем умер. Или умер, а потом возвратился назад.

Они приготовили мне чай, и я выпила его, стоя под единственным ярким светильником на кухне. А за тем, как я пью чай, неотрывно следили три пары детских глаз, огромных и зеленых, как у кошек.

Наконец я поставила пустую чашку в раковину, и все пятеро жильцов этой квартиры дружно вздохнули. Разговоры закончились, пришла пора переходить к делу. Мне показали гостиную, я вошла в нее, ступив на потертый ковер, и закрыла за собой дверь.

Гостиная была небольшой, прямоугольной, ее центральной точкой служил встроенный в стену электрический камин. Он был огорожен от детей металлической решеткой. Свет я включать не стала. Широкое окно гостиной выходило на травянистый внутренний дворик, откуда долетал свет из окон соседних жилых блоков и старинного неоновое уличного фонаря – такие светильники кое-где сохранились еще с тех времен, когда обычные люди не боялись выходить из дома после наступления темноты, чтобы прогуляться по асфальтовым тропинкам дворика. В свете этого фонаря я осмотрелась по сторонам.

Стоявшая в гостиной мебель была в моде пару десятков лет назад – жесткие кресла с высокой спинкой, широкими подлокотниками и точеными круглыми ножками; низкий, обтянутый искусственной кожей диван; приставные столики; в углу – простой застекленный сервант. Перед камином расстелен коврик с длинным ворсом. Все предметы обстановки совершенно не сочетались друг с другом. Еще в одном углу я заметила сложенные стопкой коробки с детскими играми и поняла, что хозяева прибрались здесь к моему приходу.

В гостиной было холодно, но это был не потусторонний холод. Пока еще нет. Я проверила прицепленный к рабочему поясу термометр. Двенадцать градусов. Прислушавшись, я уловила только легкий шум, похожий на далекие разряды статического электричества. Я перенесла свой рюкзак на стоящий под окном диван и тихо присела рядом с ним на пол.

Банка, когда я вытащила ее из рюкзака, мерцала бледно-зеленым светом. Лицо призрака медленно вращалось, поблескивая в плазме глазами.

– Убогая хибара, – прошептал череп. – Много призраков сюда не впихнешь.

Я положила пальцы на клапан крышки, который мог оборвать наш разговор:

– Если тебе нечего сказать более дельного...

– Нет, я не ругаю это место, но в аду намного уютнее, чем здесь, можешь мне поверить.

– Мне сказали, что здесь произошла смерть.

– И они совершенно правы. Здесь действительно кто-то умер. Воздух до сих пор пропитан смертью.

– Если почувствуешь еще что-нибудь, скажи мне.

Я водрузила банку на приставной столик и повернулась лицом к стоявшему напротив меня креслу с высокой спинкой.

Я уже догадалась, что это было его кресло, поскольку оно занимало лучшее место в гостиной – ближе других к стоящему в углу телевизору, ближе других к камину. Все остальные кресла располагались не так удобно. Кроме того, рядом с этим креслом из тени выглядывала прислоненная к стене трость, а на приставном столике возле кресла виднелись пятна в форме колец – сюда часто ставили кружку с чем-то горячим. Само кресло было обито тканью с ужасным цветочным рисунком. Местами ткань подлокотников вытерлась добела и по краям были наложены кожаные заплатки. Примерно посередине спинки ткань тоже протерлась, подушка сиденья промялась, и из-за этого казалось, что в кресле до сих пор кто-то сидит.

Я знала, что должна была сделать. Правила работы агента-парапсихолога говорят об этом совершенно четко и ясно. Мне нужно было вытащить цепи и уложить их вокруг кресла или, если это по каким-то причинам невозможно, обвести кресло непрерывной линией из железных опилок. Как дополнительный, второй барьер я могла разложить пучки лаванды, а затем сесть на безопасном расстоянии от места предполагаемой манифестации. Джордж, несомненно, так бы и поступил. Даже более склонный к риску Локвуд давно бы уже разложил цепи.

Я не сделала ничего из перечисленного, ограничившись лишь тем, что вытащила рапиру и развязала рюкзак, чтобы в случае чего иметь под рукой все необходимое. Затем в оранжево-розовом полумраке села на диван, скрестив ноги, и принялась ждать.

Я ждала, рассчитывая в очередной раз проверить свой Дар.

– Шалунья, – прозвучал у меня в голове голос призрака. – Интересно, Локвуд знает о том, что ты вытворяешь?

Я не ответила. Череп отпустил еще пару-тройку насмешек в мой адрес и замолчал. Из-за двери до меня доносились приглушенные голоса. Детям приказывали утихомириться, звенела посуда – обычный звуковой фон приготовления к семейному ужину.

Теоретически, не установив барьеры, я подвергала своих клиентов опасности. В «Руководстве Фиттис» сказано об этом однозначно. И принятые в ДЕПИК правила тоже строго запрещают контакт с призраком без должной защиты. С их точки зрения я сейчас совершала должностное преступление.

За окном сгущалась ночь. Мои взрослые клиенты приступили к ужину. Детей закрыли в одной из комнат.

Затем кто-то спустил воду в туалете. Кто-то стал мыть посуду в раковине. А я продолжала тихо сидеть в темноте, ожидая, когда начнется призрачное шоу.

И оно началось.

Медленно, почти незаметно, атмосфера в комнате становилась все более зловещей. Я чувствовала, как меняется мое дыхание – оно становилось все более частым и менее глубоким. Зашевелились волоски у меня на руках. Во мне нарастала неуверенность, раздраженность, откуда-то появилось ощущение одиночества и тоски. Я достала жевательную резинку и сунула ее в рот – это мое проверенное средство против мелейза и ползучего страха. Температура в комнате понижалась, мой термометр показал десять градусов, потом девять. Изменился проникавший в комнату свет неоновой лампы – он стал размытым, словно пробивался сквозь какую-то преграду.

– Что-то приближается, – заметил череп.

Я жевала резинку и ждала. Наблюдала за пустым креслом.

В двадцать один сорок шесть (я засекала это по своим часам) кресло перестало пустовать, в нем появился бледный силуэт. Он был пока очень слабым, напоминая не до конца стертый ластиком карандашный рисунок – неровный, размытый в середине. Однако даже сейчас можно было рассмотреть, что это фигура сидящего в кресле старого, сгорбившегося мужчины. Контуры фигуры полностью совпадали с потертостями и вмятинами на кресле. Явление продолжало оставаться прозрачным, сквозь него можно было рассмотреть каждую деталь нелепого цветочного узора на ткани. Однако призрак постепенно сгущался, теперь уже передо мной сидел высохший маленький старик, совершенно лысый, если не считать нескольких длинных седых волосинок за ушами. Я подумала, что дедушка когда-то был полным, даже круглолицым, но теперь его плоть истончилась, щеки запали, под подбородком свисали складки пустой кожи. Исхудали также руки и ноги старика – рукава рубашки и штанины свободно болтались на них. Одна высохшая, как у скелета, рука лежала у него на коленях, теряясь в складках одежды. Вторая цепко, словно паук, держалась за край подлокотника.

Призрак был очень злобным, сомневаться в этом не приходилось, об этом говорила буквально каждая его черточка. Глаза его блестели как два вырезанных из черного мрамора кругляша, они пристально смотрели прямо на меня. Тонкие губы старика были поджаты, на них не было и тени улыбки.

Инстинкт самосохранения подсказывал, чтобы я подняла рапиру, швырнула в призрак дедушки солевой бомбочкой или канистрой с железными опилками – одним словом, сделала хоть что-нибудь, чтобы себя защитить. Но я не двигалась и ничего не делала. Мы с призраком сидели каждый на своем месте и смотрели друг на друга, разделенные толстым ковриком – по нему проходила граница между миром живых и миром мертвых.

Я сложила руки на коленях, прокашлялась и наконец сказала:

– Ну, чего ты хочешь?

В ответ ни звука. Призрак сидел молча, блестя в темноте своими глазами.

Притих и стоящий на приставном столике череп, лишь тонкая зеленоватая дымка говорила о том, что он по-прежнему сидит за стеклом и наблюдает за нами.

Без защитного железного барьера из цепей излучаемый призраком холод накатывал на меня все сильнее. Температура упала до семи градусов, возле кресла с призраком она должна быть еще ниже. Но температура отнюдь не главный показатель и не главная проблема, когда имеешь дело с призраком. Гораздо важнее тип призрака. Да, призрачный сухой холод ужасен, он словно высасывает из тебя жизнь и энергию, но я терпела его. Я сидела совершенно неподвижно и просто внимательно наблюдала за призраком старика.

- Если у тебя есть какая-то цель, - сказала я, - ты можешь сказать об этом мне.

В ответ только молчание, только блеск глаз, похожий на свет далеких звезд в темноте.

На самом деле удивляться здесь было нечему. Дедушка явно не был призраком Третьего типа, вряд ли даже Второго, следовательно, не мог ни говорить, ни общаться каким-то другим способом.

Но даже при всем при этом...

- Никто, кроме меня, не станет тебя слушать, - сказала я. - Лучше воспользуйся выпавшим тебе шансом.

Я раскрыла свое сознание, постаралась очистить мозг от каких-либо эмоций и посмотреть, не удастся ли мне обнаружить хоть что-нибудь. Хотя бы слабое эмоциональное эхо, как это произошло с тем Чейнджером в «Лавандовом домике» - там даже секундного контакта хватило, чтобы я оказалась на правильном пути...

Со стороны кресла долетел шорох - будто кто-то царапает и теребит ткань ногтями. У меня по телу побежали мурашки.

Я не могла оторвать глаз от сидящего в кресле призрака, а он не просто сидел - он теперь улыбался! Царапающий звук возник снова, приглушенный, но раздававшийся очень близко.

- Что? - спросила я. - Ты именно это хочешь мне сказать?

В углу раздался грохот. Я испуганно вскочила, вскинув вверх рапиру. Призрак исчез. Кресло опустело – продавленное сиденье, вытертое пятно на спинке – все как прежде. Все, кроме трости – это она опрокинулась и с грохотом ударилась о камин.

Я взглянула на часы, сначала мельком, потом с тревогой. Двадцать два часа двадцать минут? Невероятно! Призрак находился здесь более получаса и не сделал даже попытки причинить мне хоть какой-то вред...

– Усекла? – Голос черепа вывел меня из оцепенения. В банке вновь появилось лицо, она смотрело на меня, раздувая ноздри. – Готов поспорить, что нет. А я усек. Знаю, но не скажу, знаю, но не скажу...

– Что с тобой? – спросила я. – Ведешь себя как дошкольник. Успокойся, конечно, я все у... поняла.

Я встала, подошла к двери и включила свет, не обращая внимания на протестующие завывания черепа. Зловещая атмосфера в комнате разрядилась, исчезла. В свете люстры стала еще заметнее убогость устаревшей мебели, ее выцветшие оранжевые и коричневые тона. Я взглянула на сложенные стопкой детские игры: «Эрудит», «Монополия», «Охотник за призраками из агентства «Ротвелл» – знаете, та самая, где вы должны убирать с доски пластиковые кости и комочки эктоплазмы так, чтобы не сработала сигнализация. Потертые коробки, дешевые игры. Дом самой обычной семьи с маленьким достатком.

Он был трудный человек. Скупой на деньги...

Я подошла к креслу.

– Не знаешь, что нужно сделать? – ехидно спросил череп. – А я тебе так скажу. Выпусти меня из этой банки, и я с удовольствием объясню тебе, в чем загвоздка. Ну давай же, Люси. Сделай, как я говорю, и не надо спорить.

– А ты не пытайся мне строить глазки. С пустыми глазницами это не смотрится.

Я наклонилась над креслом, рассматривая ближайший ко мне подлокотник. На его конце поверх обивочной ткани была грубо пришита заплатка из кусочка

какой-то искусственной кожи, очень эластичной. Местами стежки разошлись, и один уголок заплатки выступал вверх, как край засохшего бутерброда. Я запустила пальцы под оторвавшийся край и приподняла его. Внутри оказалась прокладка из пенопласта, которая легко вынулась, после чего стали видны свернутые в тугую трубочку банкноты, втиснутые в узкое пустое пространство под пенопластом.

Я через плечо ухмыльнулась черепу:

- Прости, но твоя помощь мне сегодня не понадобится.

Лицо в банке недовольно перекопилось и исчезло в искрах взвихрившейся плазмы.

- Тебе просто повезло, - неохотно протянул затихающий голос. - Слепая удача, как новичку в картах.

На следующий день у меня начался отпуск, и я уехала на север, в городок, где родилась на свет. Повидалась с мамой и с сестрами, побывала с ними несколько дней. Честно говоря, это возвращение на родину оказалось не самым радостным и легким. Никто из моих родных никогда в жизни не уезжал дальше чем за тридцать миль от своего дома, не говоря уж о том, чтобы побывать «в самом Лондоне». Они с подозрением косились на мою одежду, на сверкающую рапиру, хмурились, когда улавливали изменения в моем произношении или манере говорить, им не нравилось, когда я рассказывала о местах или людях, о которых они даже не слышали. Теперь я для них была «столичной штучкой». А мне они казались какими-то заторможенными, косными, слишком боявшимися всего на свете. Даже в хорошую погоду они боялись выходить из дома - вечер еще не скоро, а они уже сидят тесной кучкой у камина. Я становилась все более раздражительной, все чаще огрызалась, а они грубили мне в ответ. От их замшелой провинциальности мне хотелось выть. Что за жизнь у них, боже ты мой! Все время сидеть взаперти и дрожать от страха. Да не лучше ли набраться смелости, выйти и посмотреть этому страху в лицо?

Короче говоря, я уехала из дома на день раньше, чем планировала. Мне не терпелось поскорее оказаться в ставшем мне родным Лондоне.

Я уехала на поезде, который уходил рано утром. Села у окна и любовалась проплывающими мимо пейзажами – полями, лесами, шпилями церквей в скрытых от глаз деревьями деревушках, дымовыми трубами и призрак-лампами в портовых и шахтерских городках, через которые следовал наш поезд. Повсюду, куда ни взгляни, над Англией невидимо нависла Проблема. Новые кладбища на перекрестках дорог и в заброшенных, диких местах, крематории в пригородах, отбивающие комендантский час набатные колокола на рыночных площадях. И поверх всего этого – отраженное в оконном стекле мое лицо.

Под стук колес я вспоминала о том, какой наивной девочкой была, когда впервые приехала в Лондон, и кем стала за эти полтора года – опытным агентом, который умеет разговаривать с призраками. Больше, чем разговаривать. Я стала оперативницей, которая способна понимать желания Гостей.

Очень многое в моей жизни изменила та встреча с призраком скряги. Когда я после этого разговора возвращалась пешком по Уайтчепел, с так и не вынутыми из рюкзака инструментами, с неиспользованными солевыми бомбочками и канистрами железных опилок на своем рабочем поясе, у меня в голове вдруг мелькнула странная мысль. Я подумала, что все это мне больше не нужно. Оказывается, я могу управляться с Гостями без оружия и даже без защитных средств. Никакой соли, никакой лаванды, ни грамма железных опилок. Часто ли в карьере любого оперативника бывали случаи, когда ему удавалось так аккуратно, быстро и чисто завершить расследование?

Старик в кресле был при жизни человеком очень неприятным, это чувствовалось и в его призраке, который по-прежнему отражал черствость и черноту души его владельца. Но при этом, однако, он явился с четкой целью – показать своим наследникам, где спрятаны его деньги. Мои спокойные расспросы дали ему возможность сделать это. Если бы я сожгла призрака, как это у нас принято, такой результат расследования был бы невозможен. А мне удалось это сделать благодаря тому, что я полностью доверилась своему Дару.

Совершенно очевидно, что такой новый подход к делу опасен, но он имеет и массу преимуществ. Обо всем этом я размышляла, глядя в окно, и передо мной начинали вырисовываться невероятные перспективы.

Череп в банке пока был примером исключительным, это редкий Гость Третьего типа, с которым можно установить полноценное общение. Но я начинала верить в то, что существуют различные способы, чтобы навести мосты через пропасть

между миром живых и миром мертвых.

Строя свои догадки, я исходила, во-первых, из того, что большинство Гостей являются в наш мир с какой-то конкретной целью. И, во-вторых, если спокойно начать выяснять у них эту цель, призраки оставят тебя в живых минимум до того момента, когда ты сможешь им ее достичь. Первая часть моей теории в доказательствах не нуждалась, причины появления призраков в нашем мире хорошо известны еще с тех времен, когда свои первые парапсихологические расследования полвека назад проводили основатели нашей профессии Марисса Фиттис и Том Ротвелл. А вот вторая часть моей теории подрывала устои привычных представлений о работе с призраками. Каждое современное агентство своей главной задачей считает заблокировать Гостя. Затем, когда призрак обезврежен, следует найти и уничтожить Источник. После этого Гость исчезает навсегда. Считается аксиомой, что призрак при этом будет негодовать, сопротивляться, искать способы избежать блокировки. А поскольку разозленный Гость очень опасен и легко может убить тебя, оперативники с ним никогда не церемонятся.

В некоторых случаях оружие действительно необходимо. Можно ли было, скажем, урезонить каким-то невооруженным способом ту тварь, что поселилась на чердаке «Лавандового домика»? Почти наверняка нет. Но есть и другие призраки, например, печальные Тени в том же пансионе или сидевший в стекле Спектр в вуали, которые отчаянно искали общения, жаждали его.

И я смогла предоставить им такую возможность, хотя и недостаточно хорошо это сделала.

Необходимо, чтобы Локвуд разрешил мне проводить дальнейшие эксперименты. Разумеется, он станет возражать – а как же, конечно станет, – потому что помнит о том, что случилось с Джессикой, но я чувствовала, что смогу убедить его. От этих мыслей мое настроение улучшилось, исчезла и забылась досада, гвоздем сидевшая у меня в мозгу после неудачного визита на родину. Дома я непременно поговорю обо всем с Локвудом и Джорджем. Дома...

Добравшись до Лондона, я взяла такси и попросила шофера высадить меня в самом начале Портленд-Роу, у лавки Арифа, чтобы купить у него сдобных булочек с глазурью. Было начало двенадцатого, Локвуд и Джордж наверняка

только собираются позавтракать. Я возвратилась на день раньше, чем собиралась. Они меня не ждут, так что пусть мое появление станет для них приятным сюрпризом.

Однако сюрприз ожидал меня. Войдя в дом, я застыла от удивления, продолжая сжимать в руке свои ключи. Холл был вымыт и пропылесосен. Вешалка приведена в порядок, в подставке для зонтов аккуратно расставлены зонтики и рапиры. Даже хрустальная лампа-череп на столике в холле сверкает, отмытая до блеска.

Я не верила своим глазам. Неужели они действительно совершили этот подвиг? Неужели они действительно навели порядок в доме? Они прибрались! Для меня!

Я тихо поставила сумку на пол и на цыпочках направилась на кухню.

Мои друзья находились в цокольном этаже, оттуда доносились их голоса, и судя по ним, Локвуд и Джордж пребывали в прекрасном настроении – до кухни долетал их смех. Услышав голоса и смех, я улыбнулась. Отлично. Значит, мои булочки будут сейчас очень кстати.

Торопиться я не стала. Заварила чай, положила булочки на наше второе по красоте блюдо (первого по красоте я что-то не нашла), разложив их таким образом, чтобы наверху оказались любимые булочки Локвуда с миндальной глазурью, которые он редко себе позволял, и аккуратно поставила все на поднос. Приоткрыла дверь ногой, придержала ее бедром, а затем неслышно спустилась вниз по железной лестнице.

Меня переполняла радость. Наконец-то я почувствовала себя дома. Да, этот особняк на Портленд-Роу был теперь моим настоящим домом. А Локвуд и Джордж – моей семьей.

Я нырнула сквозь арку в офис и остановилась, все еще улыбаясь. Они были здесь, Локвуд и Джордж, сидели друг напротив друга за моим столом и от души хохотали.

А между ними на моем стуле сидела красивая стройная темнокожая девушка.

У нее были длинные, до плеч, темные волосы, очень миленькое круглое личико, она была в темно-синем платье-сарафане, из-под которого выглядывала белоснежная футболка. Вся такая свеженькая, новенькая и блестящая, словно кукла, которую только что вынули из коробки. Она сидела в элегантной позе, выпрямив спину, и ее, похоже, ничуть не волновало, что Локвуд и Джордж буквально приклеились к ней. Напротив, она тоже улыбалась, даже посмеивалась негромко, хотя в основном просто слушала смеющихся парней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/straud_dzhonatan/prizrachnyy-dvoynik

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)